

РОСЖЕЛДОР
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Ростовский государственный университет путей сообщения»
(РГУПС)

С. М. Петкова

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Учебное пособие

Ростов-на-Дону
2008 г.

УДК

Петкова, С. М.

Этические проблемы современности: учеб. пособие / С. М. Петкова; Рост. гос. ун-т путей сообщения. – Ростов-н/Д, 2008. – 70 с. Библиогр.: 24 назв.

Учебное пособие охватывает темы, вызывающие наибольший интерес в современном научном мире. В XX веке этические теории стали обращаться к собственным основаниям, расширилось проблемное поле этической мысли.

Пособие позволяет дополнить имеющийся в распоряжении студентов учебный материал рядом новых тем и может быть использовано для подготовки докладов, рефератов и написания контрольных работ.

Рецензенты: канд. ист. наук, доц. А. Е. Кравец (Рост. фил. СПб гос. ун-та культуры искусств);
канд. филос. наук, доц. Ю. В. Баскаков (РГУПС)

Учебное издание

Петкова Светлана Михайловна

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Учебное пособие

Редактор Ю. Ю. Молодцова

Техническое редактирование и корректура Ю. Ю. Молодцовой

Подписано в печать 24.12.2008. Формат 60×84/16

Бумага газетная. Ризография. Усл. печ. л. 4,18.

Уч.-изд. л. 3,98. Тираж 100 экз. Изд. № 293. Заказ № .

Ростовский государственный университет путей сообщения.

Ризография РГУПС.

Адрес университета: 344038, Ростов н/Д, пл. Ростовского Стрелкового Полка
Народного Ополчения, 2.

© Ростовский государственный университет
путей сообщения, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

I Этика: от учения о добродетелях к попыткам собственного обоснования	4
1.1 Поворот в этических учениях после Канта.....	4
1.2 Аналитическая этика.....	15
1.3 Феноменологическая этика.....	17
1.4 Образы морали в американском прагматизме.....	19
1.5 Проблемы этической ответственности науки.....	21
II Глобализация и проблемы глобальной этики.....	26
III Этические аспекты биомедицинских исследований.....	41
IV Проблема насилия в современном мире.....	53
Заключение.....	62
Тесты для самоконтроля.....	63
Список использованных материалов.....	69

I ЭТИКА: ОТ УЧЕНИЯ О ДОБРОДЕТЕЛЯХ К ПОПЫТКАМ СОБСТВЕННОГО ОБОСНОВАНИЯ

1.1 Поворот в этических учениях после Канта

Понимание морали как конкретность индивидуально ответственного поведения, пути к счастью длительное время определяла специфическую предметность европейской этики. Мораль выступала как совокупность добродетелей, которые суммировались в образе совершенного человека, как совокупность норм поведения, задающих совершенную организацию общественной жизни. Два аспекта морали – субъективно-личностный и объективированный были взаимосвязаны, поскольку считалось, что благо отдельного человека и благо общественное – это одно и то же. Личные качества индивидов, мера их моральности, добродетельности являлась основой всей западноевропейской культуры.

В эпоху античной классики, когда индивид мыслил себя как неотъемлемую часть полиса, были заложены основополагающие положения этики добродетелей. Понимание этики было широким: областью морали считалась вся общественная жизнь, включая политику и экономику. Культура выделялась по этическому критерию в противоположность природе. Такое широкое понимание предмета этики сохранялось и в период средневековья, когда общественные отношения выступали в форме личных связей и зависимостей. Все события, значимые для общественного развития, были сопряжены с личными качества выдающихся личностей – правителей, полководцев, рыцарей. Поведение каждого человека подчинялось нравственно санкционированным нормам и условиям.

Но уже в древнем скептицизме, а затем и в христианстве человек был поставлен в центр, а его отношение к миру, несмотря на всю разницу теоретических посылок, было отношением к тому, что существует ради него самого. Это теоретическое решение явилось прежде всего отражением изменения позиции человека в мире, возрастанием его мощи в отношении преобразований природы и устройства собственной социальной жизни. Понятно, что если человек свою

позицию в мире определяет как центральную, возникает опасность, что он может возомнить себя единственным центром не только в теоретической абстракции, относящейся к любому человеку вообще, но и на практике попытаться воплотить идеи личного деспотизма, стремления властвовать над всеми. Эгоизм, вернее его ограничение, становится центральной в моральной философии христианства. В значительной мере эта проблема продолжает оставаться центральной и в философии Нового времени. Но здесь эгоизм уже выглядит по-иному, так как акцент перемещается с эгоизма, не знающего никаких степеней и градаций, осуждаемого в любом своем виде, к оправданному эгоизму, к вопросу о допустимой степени и морально оправданных формах выражения собственного интереса.

Когда западное общество стало переходить от локальных, традиционных форм жизни к большим и сложным системам (в экономике от цеховой организации к фабричному производству; от натурального хозяйства к рыночным отношениям; в политике – от феодальных княжеств к национальным государствам, в общественной коммуникации – к средствам массовых коммуникаций) различные сферы общества стали структурироваться по законам эффективного функционирования, с учетом больших масс людей, но независимо от их воли. Общественные отношения стали приобретать вещный характер – регулироваться не по логике личных отношений и традиций, а по логике предметной среды, эффективного функционирования определенной сферы совместной деятельности. Теперь поведение людей в качестве работников определялось не столько совокупностью душевных качеств и сетью нравственно санкционированных норм, сколько функциональной целесообразностью. Деятельность человека в качестве субъективного элемента социальной системы как работника, функционера не просто выносила за скобки моральные различия в прежнем значении, но часто требовала действовать аморально. Впервые применительно к политике расхождение моральности и эффективности управления исследовал *Н. Макиавелли*. Применительно к экономике *А. Смит* сделал аналогичное открытие, когда установил, что рынок приводит к богатству народов не через аль-

труизм субъектов хозяйственной деятельности, но, напротив, через их эгоистическое стремление к собственной выгоде.

Для этики Нового времени ведущей становится тема справедливости, а сама она превращается в этику правил. *Основной проблемой этики Нового времени стала проблема: каковы границы и содержание свободной, индивидуально ответственной деятельности человека, которой он может придать совершенно добродетельный вид, направить на достижение собственного блага.* Мораль рассматривалась как сосредоточие всех прочих усилий человека. Классическая этика принимала свидетельства морального сознания на веру и видела свою задачу в том, чтобы обосновать предзаданную ей мораль и найти более совершенную формулировку ее требований.

Переход от апологии морали к ее критике был обусловлен связан с изменением места и роли морали в обществе новоевропейской цивилизации. Либеральная идеология, сильно повлиявшая на жизнь современного общества, принципиально исходила из тезиса о том, что каждый отдельный индивид является хозяином собственной жизни, собственного дела, и общество не может приписывать ему какие-то жизненные цели, а должно лишь дать гарантии основных жизненных прав. Что же касается обязанностей индивида по отношению к обществу, то они сводятся лишь к вкладу в деятельность тех общественных институтов, которые выполняют функции ночного сторожа.

Как полагает А. А. Гусейнов¹, после Канта изменилось отношение этики по отношению к морали как к своему предмету. Из теории морали этика превратилась в критику морали. Возникшее разочарование относительно возможностей науки отразилось в появлении в XIX веке взглядов, согласно которым познать мораль в ее исходных основаниях невозможно. *Артур Шопенгауэр* подверг нравственной критике все развитие человеческой культуры, полагая, что мораль не только нельзя познать в ее исходных основаниях, но это и не нужно, так как всякая попытка обоснования морали подрывает фундамен-

¹ Гусейнов А. А. Этика и мораль в современном мире // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия 2001. № 1. С. 13.

ность ее принципа. *К. Маркс* и *Фр. Ницше* с разных теоретических позиций пришли к выводу о том, что мораль в том виде, в каком она себя изображает, является обманом и лицемерием. По Марксу, буржуазная мораль обслуживает интересы господствующих эксплуататорских классов. Она представляет иллюзорную, превращенную форму общественного сознания, призванную прикрыть аморализм действительной жизни, дать ложный выход социальному негодованию масс. Поэтому трудящиеся нуждаются не в теории морали, а в том, чтобы освободиться от ее сладостного дурмана. Единственно достойная теоретическая позиция по отношению к морали, по Марксу, состоит в ее критике и разоблачении. Ключевая для любой философской антропологии проблема вины у Маркса представлена следующим образом. Поскольку все действия человека определены социальным контекстом, субъектом вины является социальная среда, а не человек. В языке Маркса вина – это не внутреннее переживание, а правовое понятие. Она, по Марксу, – элемент социальной практики, инструмент, который несправедливо перекладывает ответственность с «неправильно устроенного» общества на человека – жертву этого неправильного устройства. Избавиться от вины можно посредством решительных социальных перемен².

Фридрих Ницше видел в морали выражение рабской психологии – способ, благодаря которому низшим сословием удастся делать хорошую мину при плохой игре и свое поражение выдать за победу. Мораль есть воплощение слабой воли, самовозвеличение этой слабости. Мораль унижает человека, и задача философии – прорваться по ту сторону добра и зла, став сверхчеловеком. И Маркс и Ницше стояли на позициях радикального отрицания морали. После Маркса и Ницше этика убедительно показывала, что безусловная категоричность морали не может быть никак обоснована. При этом этическая критика морали не отменяет самой морали, которая продолжает функционировать, люди в повседневной жизни продолжают исповедовать мораль.

² Драгунская Л. С. Маркс, Достоевский, Фрейд: три антропологических проекта // Человек. 2000. № 2. С. 12.

В настоящее время общественное мнение и на уровне повседневного сознания, и на уровне лиц, имеющих явные или неявные полномочия говорить от имени общества, признает первостепенную значимость морали, в то же время оно игнорирует этику как науку. Американский философ *А. Макинтаир* решительно возражает против представления об идеале теоретического рассмотрения морали как о простом ее описании, непротиворечивом изложении. Он полагает возможным и необходимым найти корни морали в определенной исторической традиции, в соответствующем ей представлении о благе человека. Современную ситуацию, в которой в прошлом традиционная для этики категория блага все более и более удаляется из этических учений, он называет ситуацией массового распространения *эмотивизма*, который проявляется в том, что всякие теоретические положения, ссылки на этические учения прошлых лет или прямые апелляции к логике и разуму используются только для того, чтобы подтвердить уже имеющиеся у того или иного лица моральные решения, аргументировать которые пытаются лишь для придания им видимости большей убедительности. *Макинтаир* убедительно показывает, что тогда, когда проблема определения блага была для этики ключевой, вопрос о человеческом эгоизме не был в центре ее внимания, действие во имя блага своего полиса рассматривалось как естественное условие достижения собственного счастья. Этика и мораль Нового времени, наоборот, все более и более сосредоточивались на проблеме ограничения человеческого эгоизма, что само по себе свидетельствовало о неблагополучии общества. В качестве причины такого поворота Макинтаир считает выход производства за пределы семейного дела, потерю наглядной взаимной зависимости людей и ориентацию производства на массовое потребление, в результате чего пропадает значение творческих компонентов труда.

Современное сложноустроенное деперсонализированное общество характеризуется тем, что совокупность профессионально-деловых качеств индивидов, определяющих их поведение в качестве социальных индивидов, мало зависит от их личностных моральных добродетелей. В своем общественном поведении человек выступает носителем функций и ролей, которые ему задаются

извне, самой логикой систем, в которые он включен. Общественные нравы зависят уже не столько от этноса индивидов, сколько от системной научной, рационально упорядоченной организации общества в тех или иных аспектах его функционирования. Общественная цена человека определяется не только его личными моральными качествами, но, прежде всего, моральной значимостью того совокупного большого дела, в котором он участвует. Мораль становится институциональной, трансформирующейся в прикладные сферы, где этическая компетенция определяется в решающей мере профессиональной компетенцией. Этика сегодня перестала быть универсальной. И прежде допускавшая деление на мораль (общее для всех) и нравственность (личное отношение к общим нормам), она теперь стала только нравственностью каждого отдельного человека, предполагающей *личностное отношение к бытию, личностное бытие и просто личность*³. Раньше этика формировалась внутри социума, будучи своего рода традицией, где некий прецедент рассматривался как случай, происшедший внутри традиции, то есть обладавший понятными мотивациями и обоснованный системой долженствований. В других же случаях этика рассматривалась как сакральное установление. Ныне ее надо формировать, с одной стороны, на основании казусов, которые только еще могут создать базу традиции или же могут остаться единичными, а с другой – на основании опережающих технологий, то есть предположенности. При формировании этики используется логика возможностей, обеспечивающая выбор индивида и предлагающая варианты последствий этого выбора. Игнорирование этих факторов ведет к простой констатации этической нейтральности, что вызывает неприятие тех, кто уповает на архаические этические системы как единственно спасительные или даже требование их возврата.

В современном обществе интерес к общим, приемлемым для всех правилам поведения связан также с тем, что мир сталкивается с ситуацией взаимодействия разных культур, с необходимостью принять такие моральные стан-

³ Неретина С. С. Смерть как условие бессмертия // Человек. 2002. № 4. С. 50.

дарты поведения, ориентация на которые была бы возможна при разных представлениях о целях человеческой жизни.

Сложно организованное современное общество основано на разделении труда и социальной иерархии, что порождает моральные представления, санкционирующие неравенство людей, вытекающее из различий между ними. Противоречивое соотношение равенства и неравенства составляет сердцевину исторически сменявших друг друга теорий справедливости. Проблема равенства и справедливости выдвинулась в начале 70-х годов прошлого века в центр общественно-политических дискуссий в США. Одной из попыток построить систему этических нормативов, избежав определенных суждений об их основаниях, стала фактически превратившаяся в современную классику книга Дж. Ролза «Теория справедливости». Ролз принципиально исходит из тезиса о том, что приемлемые для всех правила могут быть выработаны независимо от общей идеи блага. Свою теорию он относит к *деонтологической* этике, решительно противопоставляя ее таким теориям, в которых содержание долга зависит от понимания блага, то есть теориям телеологическим. Продолжая традиции, заложенные в теориях общественного договора, Ролз выдвигает два предварительных условия понимания справедливости:

- именно справедливость должна быть исходной категорией для построения этической теории;

- представление о свободном выборе в состоянии, в котором гипотетический человек выбирает определенный тип общества, не зная, какое именно место он в нем займет.

Ролз считает, что концепция социальной справедливости не может определить всех общественных добродетелей, поскольку их полный перечень может дать только более общая концепция социального идеала. Тем не менее, именно концепция социальной справедливости должна быть первичной для этики. Принципы справедливости должны быть общезначимыми, универсальными, одинаково приемлемыми для всех членов общества, независимо от их естественных способностей, социального положения, рода деятельности, склонно-

стей. В реальном обществе невозможно достичь такого согласия между людьми, так как каждый человек, зная о своих социальных преимуществах и недостатках, способностях и вкусах, отдаст предпочтение тем принципам справедливости, которые смогут создать для него наиболее благоприятные условия доступа к желаемым социальным благам. Для установления общезначимых принципов справедливости, способных удовлетворить каждого в его естественном стремлении к увеличению собственного благополучия, необходимо исходить из гипотетической модели социальной кооперации. Помещенные в ситуацию абсолютного неведения относительно своего места в обществе, своих природных склонностей и вкусов, индивиды отдадут предпочтение максимуму благ, соответствующему минимальному риску их потерять, единодушно признают правило «*максимина*» – максимума благ, достижение которых возможно при минимальном риске обанкротиться. После чего, когда правило принято, необходимо включить индивидов в реальную общественную ситуацию, дав им реальную возможность участвовать в распределении социальных благ. Ролз называет такую справедливость честностью, подчеркивая, что она является результатом беспристрастного соглашения. Понятие справедливости как честности оказывается необходимым для того, чтобы понять справедливое решение как свободный выбор, который устроил бы всех членов общества, находящихся в естественном состоянии, то есть при отсутствии институтов, защищающих собственность, при отсутствии какого-либо регулирования экономической жизни в смысле распределения доходов. В такой ситуации рациональный индивид, с точки зрения Ролза, во-первых, выберет справедливое общество, то есть общество, в котором все имеют равные возможности и в котором исключается увеличение блага одних за счет ограничения свободы других. Во-вторых, он также выберет эффективное общество, то есть такое общество, которое при наличии свобод одновременно дает максимальный прирост общественного блага. Особенность ситуации выбора заключается в том, что индивид должен исходить из того, что он не знает, какое именно положение он займет в выбираемом им обществе, так как он точно не знает, каковы его способности, и не может исклю-

чить роль случайности. Ролз считает, что в таком случае может быть выбрано только такое общество, в котором увеличение неравенства ведет хотя и к неравному, но все же реальному увеличению блага для всех. Выполнение этого принципа необходимо для сохранения конкурентных начал, являющихся единственно справедливым в организации общества, так как они позволяют человеку реализовать себя и одновременно дают эффективную экономику. Правильный баланс в распределении доходов, при котором каждый человек независимо от его успехов и неудач согласился бы выбрать справедливое общество, допускает известное перераспределение доходов в пользу неимущих через неравное налогообложение.

Суть метода рефлексивного равновесия, предложенного Ролзом, заключается в том, что, для того, чтобы получить ответы на интересующие людей вопросы, нужно сравнивать нравственные суждения, принципы и теории, в том числе не только теории морали, но и более общие социальные теории. При этом, полагает Ролз, необходимо найти баланс различных конкурирующих критериев, скажем, требований сноровки, обучения, усилий, ответственности, риска при работе и учета потребностей. Невозможно ничего решить с помощью лишь одного из принципов, и между ними должен быть найден некоторый компромисс.

Два принципа справедливости:

- 1) каждый должен иметь равные права в отношении наиболее обширной схемы равных свобод, совместимых с подобными схемами свобод для других;
- 2) социальные и экономические неравенства должны быть устроены так, чтобы от них можно было бы разумно ожидать преимуществ для всех и доступ к положениям и должностям был бы открыт всем.

Раскрывая суть второго принципа справедливости, Ролз использует три понятия, выражающие три организационных принципа, действующих в структурах общества: «равно открыт», «принцип эффективности», «принцип различия». Принцип «различия» в теории Ролза может быть принят только после

первого принципа, который гласит, что каждый гражданин имеет равные права на свободу, совместимую со свободой других. Согласно принципу «различия», социальные и экономические неравенства должны быть упорядочены таким образом, чтобы обеспечивать наибольшую выгоду хуже обеспеченным гражданам, и одновременно распространяться на посты и одинаково доступные для всех положения в условиях честного равенства возможностей. Ролз полагает, что может существовать множество эффективных базисных структур, задача же заключается в том, чтобы отобрать из них те, которые являются еще и справедливыми, то есть построить систему распределения основных благ на базе сочетания разных принципов. Демократическая концепция, по мнению Ролза, допускает сочетание принципа различия с принципом эффективности, но лишь в том случае, если эти принципы выполняются полностью в формально независимом друг от друга смысле. Идея Ролза относительно сочетания принципа различия и принципа эффективности состоит в том, что различие необходимо держать в таких пределах, которые обеспечивают возрастание ожиданий всех, в том числе и малоимущих.

Реальность современного общества, конечно, не во всем соответствует этой достаточно абстрактной теории, но идея договора в целом не выглядит как невозможная в силу неравного обмена способностями. Люди при описанных принципах справедливой социальной организации оказываются заинтересованными в договоре даже при исходном предположении о том, что они не знают, какое именно место займут в обществе, допускающем неравенство ради эффективности и равенства возможностей. Критика Ролза ведется с позиций либертариализма (Ф. Хайек и др.), представители которого считают, если собственность приобретена нечестным путем, перераспределять ее несправедливо.

В нашей стране в результате перестроечной «переоценки ценностей» в общественной психологии все больше распространяется настроение морально-нигилизма, скептицизма, цинизма. Традиционные ценности морального сознания, такие, как альтруизм, гуманизм, коллективизм, тесно связанные с христианской верой, а в недавнем прошлом – с нормами идеологизированной ком-

мунистической морали, все более вытесняются проповедью и практикой индивидуального и группового эгоизма. В отечественной философии происходит возрождение классических учений утилитаризма и прагматизма *И. Бентама, А. Смита, Дж. Ст. Милля, Дж. Дьюи*. Коренное отличие современных утилитаристских теорий от классических вариантов утилитаризма состоит в том, что речь идет не первоначальном накоплении, создании капитала, а о «приватизации» ранее бывшего общественным достоянием отдельными лицами или группами лиц.

В сознании современного общества уживаются две противоположные мировоззренческие установки. Одна связана с предельно рационализированными формами мышления, ориентирована на новейшие научные достижения, другая представляет крайне мистические ориентации, полагающие зависимость человека от неких трансцендентных сил и допускающие с ними какой-либо информационный контакт. Так, русская религиозная философия XX века, вдохновленная идеей морально-суверенной личности, основания морали усматриваются в божественном абсолюте, коллективность интерпретируется как религиозно-духовная всечеловеческая соборность. В этих двух основных вариантах имеются абсолютистское и антинормативистское воплощения. *Этический абсолютизм* исходит из идеи морали как абсолютного и в своей абсолютности непостижимого предусловия пространства разумной жизни. *Этический антинормативизм* видит в морали выражение тех или иных интересов и релятивирует ее. Рассмотрим последовательно оба из указанных направлений современной этики.

Анализируя причины отказа от рационального подхода к морали, основанного на познании, *Ю. Хабермас* выдвигает определенные доводы, позволяющие преодолеть обычные возражения против возможности достижения моральных истин через познание. Он писал о том, что некогнитивистская позиция базируется преимущественно на двух аргументах: во-первых, на том, что диспуты о первопринципе морали обычно не основаны на аргументах, и, во-вторых, на том, что все попытки объяснить, что могло бы означать истину для

нормативных суждений, независимо от того, развиваются ли эти попытки в рамках интуитивистского подхода, основываются ли они на классической идее природного закона или на этике материальных ценностей в духе Шелера и Гартмана, закончились провалом. Первый аргумент теряет свою силу, если мы можем указать такой принцип, который делает моральную аргументацию вообще возможной. Второй аргумент отпадает, если мы откажемся от посылки, что нормативные суждения до той степени, до которой они вообще связаны с ценностями заявлениями, могут быть значимы или не значимы только в смысле пропозициональной истины.

Принципиальная возможность моральной аргументации может быть реализована, с точки зрения *Ю. Хабермаса*, на основе применения кантовской процедуры универсализации, представления о нашем возможном поведении как о поведении, которое соответствовало бы всеобщему закону. Это не означает, что мы должны практически использовать категорический императив для контроля всех случаев поведения, но допускает то, что мы можем использовать его для контроля качества многообразных императивов в смысле общего согласия их понятия.

В XX веке ряд направлений философской этики развивались под существенным воздействием идеала научной рациональности, сохраняя социально-критическую направленность, противостоя тоталитарному духу времени. Такими являются аналитическая этика и феноменологическая этика, первая из которых продолжает эмпирическую, а вторая пытается оживить метафизическую традицию понимания морали.

1.2 Аналитическая этика

Аналитическая этика возникла в рамках аналитической философии и идентифицировала себя как мета-этика, имеющая своим содержанием критический анализ языковых форм моральных высказываний. Предмет аналитической этики смещается с анализа моральных принципов поведения, норм и добродетелей на прояснение верифицированного значения моральных понятий и предложений. Об этике нельзя говорить на языке науки, утверждал *Л. Витген-*

штейн. Этику демонстрируют и удостоверяют как налично существующую форму жизни. Делать этические утверждения – значит «кидаться на языковые ограждения». Это столкновение вытекает из «потребности человеческой души, которую лично я не могу не уважать и никогда не позволял бы другим высмеивать ее, – писал Витгенштейн в «Лекции по этике»⁴.

В *когнитивистском* варианте аналитическая этика исходит из признания объективности морали и ее принципиальной познаваемости. Конкретные решения при этом различны: одни представители аналитической этики (*Р. Перри*) считают, что объективно-познавательное содержание морали можно выявить через достаточно эмпиричные понятия приятного, полезного, удовольствия; по мнению других (*Дж. Мур*), попытки определить моральные понятия через неморальные понятия логически несамостоятельны и ведут к «натуралистической ошибке». Моральные понятия образуют особый класс, являясь непосредственным интуитивным постижением морального качества человеческих действий. *Дж. Мур* писал, что «хорошее» – такое же простое понятие, как, например, «желтое». И как нет надобности объяснять, что такое «желтое» тому, кто не знает, что такое «желтое», так же нет возможности объяснить, что такое «хорошее». Благо воспринимается интуитивно; третьи (*Р. Хеар*) выделяют самостоятельный метод аргументации и даже особую деонтическую логику, призванную раскрыть рациональную структуру морали. В работе «Язык морали» *Хеар* писал о том, что нормы как предписания сходны с описаниями в части *фрастики* (от греч. *Phrazo* – указывать), поскольку говорят «нечто кому-то». Отличие между ними заключается в части *неустики* (от греч. *Neuo* – кивать, обещать), поскольку кому-то дают приказ. Это различие *фрастики* и *неустики* дают возможность развивать логику морального дискурса на основе двух правил:

⁴ Д. Реале, Д. Антисери. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 4. От романтизма до наших дней. ООО ТК «Петрополис». Санкт-Петербург. 1997. С. 480.

- 1) никакое индикативное заключение нельзя вывести из набора посылок, если оно не дедуцировано надлежащим образом из простых индикативных суждений;
- 2) никакое императивное заключение нельзя дедуцировать из набора посылок, не содержащих хотя бы одного императива.

В аналитической философии у *Р. Хейра* и *Р. Врандта*, в аксиологии *М. Шелера* и прагматизма *Р. Рорти* получает распространением идущая от Д. Юма идея о том, что суждения о должном никаким образом не следуют из суждений о сущем. Во всех указанных перечисленных философских направлениях утверждается, что при теоретическом подходе к морали никоим образом нельзя путать *дескриптивные* (описывающие реальность) и *прескриптивные* (предписывающие некоторый образ поведения) суждения. Последние рассматриваются как суждения произвольные или, по крайней мере, выходящие за рамки теоретического анализа морали в смысле их конкретного содержания. В качестве задачи *метаэтики* выдвигается проведение логического анализа отношений между нравственными суждениями с точки зрения их противоречивости или непротиворечивости.

Аналитический метод, направленный на уточнение меры научной строгости этики, имеет важный «духовно-эмансипирующий подтекст», который направлен против моральной демагогии и других форм манипулирования общественным сознанием.

1.3 Феноменологическая этика

Феноменологическая этика заострена против жесткого догматизма классической этики (в частности рационалистического априоризма Канта) и против утилитаристского релятивизма. Она исходит из того, что ценности представляют собой некую объективную структуру (мир ценностей), которая дана человеку в непосредственных актах чувствования. В отличие от рационализма, видевшего в чувствах выражение субъективности, феноменология рассматривает акт чувствования как способ познания ценностей. Волевой акт, направленный на добро вместе с заключенным в нем добрым намерением, является добрым,

как считает Э. Гуссерль, не в силу природных оснований или иных внешних по отношению к самому добру причин. Он заключает добро в себе как идеальный образ, остающийся всегда равным самому себе независимо от того, кто конкретно воспринимает его в этом содержании. Априорные, идеально-объективные ценности становятся пределом устойчивого желания и предстают перед человеком в качестве практического императива. Возникающая при этом проблема состоит в том, чтобы в акте оценки высветить сами ценности в их общезначимом содержании и чтобы трансформировать их объективный порядок в жизненную задачу. Макс Шелер в сочинении «Формализм в этике и материальная этика ценностей» применил феноменологический метод в сфере морали. Шелер был противником этики Канта, в основе которой лежит альтернатива долга и удовольствия: мы делаем нечто либо потому, что этого требует моральный закон, либо потому, что нам это нравится. Но такая постановка вопроса означает отсутствие объективной оценки. Для оправдания моральной оценки мы должны соотнести ее с моральным законом путем обобщения. Такая императивная этика Шелеру представляется не обоснованной. Шелер находит иное, чем долг основание этики: это ценности, которые обступают человека со всех сторон. Их надо не изобретать, а обнаружить и признать, для чего нужна не теоретическая, а эмоционально-интуитивная активность. Мир чувств обладает такой же легитимностью, как мир интеллекта. Врожденная чувственная интуиция расставляет объективные ценности в следующем порядке:

- 1) чувственные (радость – наказание, удовольствие – боль);
- 2) гражданские (полезное – вредное);
- 3) жизненные (благородное – вульгарное);
- 4) культурные (духовные), подразделяемые на эстетические (красивое – некрасивое) и этико-юридические (праведное – неправедное) и спекулятивные (истинное – ложное);
- 5) религиозные (священное – мирское).

Иерархия этих ценностей самоочевидна для чувственно-эмоциональной интуиции, которая, независимо от воли и долга, ставит их в нужном порядке.

Речь идет не об исторических стадиях, а о вневременной структуре. Различие между абсолютными ценностями и их исторически обусловленным существованием в форме человеческих целей имеет для феноменологической этики существенное значение. Задача морали и этики направлять человеческое поведение вверх в соответствии с объективным порядком ценностей. Феноменологическая этика преобразовала метафизические традиции в понимании морали таким образом, что ее в такой же мере можно считать этикой конкретной личности, в какой и этикой абстрактных принципов.

1.4 Образы морали в американском прагматизме

Примечательными являются образы морали, сложившиеся в американском прагматизме (*Джемс, Дьюи*). Прагматизм связывает моральные понятия с интересами, потребностями, успешностью поведения, придавая им ситуативный характер. Мораль демистифицируется до такой степени, что интерпретируется как средство на пути к душевному комфорту и довольством жизнью. В сочинениях «Нравственная жизнь и философ» и «Воля к вере» *Уильям Джемс* исследует вопросы ценностей, подчеркивая, что вопросы морали не могут получить решения посредством обращения к чувственному опыту. Это вопрос не о сущем, а о благе, если бы оно существовало. Мы обращаемся к «логике сердца», задаваясь вопросами: Каков смысл жизни и есть ли он вообще? В чем состоит свобода? Есть ли разумная сила, управляющая мирозданием? Все эти вопросы теоретически неразрешимы, они требуют прагматического выбора. Факты сами по себе ни плохи, ни хороши. Благо или зло существуют только в связи с требованиями индивида, воспроизводящего события, удовлетворенного ими или разочарованного. Неисчислимое множество импульсов и потребностей генерируют некий универсум контрастных ценностей. Как их унифицировать? Предпочтительны те ценности, полагает Джемс, которые, реализуясь, способны подчинить себе меньшее число других и при этом сохранить универсум, богатый возможностями. Джемс – один из немногих философов, кто сумел показать разрушительную силу идеологического абсолютизма и опасность авторитаризма.

Конец XX века характеризуется двумя новыми тенденциями – переходом к прикладной этике и *переосмыслением предмета этики в контексте постмодернистской философии*. Для постмодернизма не существует устойчивой даже в минимальной степени «сущности» или «природы» человека. Для него человек не просто способен на переходы от одного дискурса к другому, от одной языковой игры к другой, – он существует в этих переходах. Человек не является ни свободной личностью, ни целостностью. Он растворен в многообразных формах жизни, среди которых нельзя выделить «нормальное» либо «патологическое». Само выделение «нормальности» – свидетельство принуждения и репрессивности власти. При всей критике потребительского общества и его ценностей, как «общества шизофреников», которая характерна для постмодернистской философии, *М. Фуко, Ж. Батай, Ж. Деррида* принимают потребительские ценности и ценностные установки, которые ориентируют человека на безудержное потребление аудиовизуальной продукции. В качестве цели и решающей ценности образования выдвигается формирование человека, поглощенного потреблением продуктов аудиовизуальных средств, не контролирующего себя и не способного найти в самом себе точку опоры в трудные минуты жизни⁵. М. Фуко писал о том, что в наши дни мыслить можно лишь в пустом пространстве, где уже нет человека. «Всем тем, кто еще хочет говорить о человеке, его царстве и освобождении, всем тем, кто еще ставит вопросы о том, что такое человек в его сути, всем тем, кто хочет исходить из человека в своем поиске истины, и наоборот, всем тем, кто сводит всякое познание к истинам самого человека... кто вообще не желает мыслить без мысли о том, что мыслит именно человек – всем этим несуразностям и нелепым формам рефлексии можно противопоставить лишь философический смех, то есть, иначе говоря, безмолвный смех... Можно поручиться – человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке»⁶. Известный американский специалист в области социальной психологии *К. Герген* написал недавно книгу «Перенасыщенное Я», в

⁵ Огурцов А. П. Постмодернистский образ человека и педагогика // Человек. 2001. № 4. С.27.

⁶ Фуко М. Слова и вещи. М., 1994. С. 363.

которой он пытается доказать, что «Я» у современного человека фрагментируется, а затем исчезает. Индивид, у которого отсутствует «Я», у которого жизнь делится на ряд несвязанных между собою эпизодов, не может нести ответственности за свои поступки, а тем самым не может считаться человеком в принятом до сих пор смысле слова.

Таким образом, считает А. В. Разин, в современной этике можно выявить четыре основные парадигмы⁷:

- 1) мы можем только описать мораль (логический позитивизм);
- 2) мораль можно понимать как систему общепринятых правил, сформулировать которые можно, избегая вопроса об основаниях морали (Дж. Ролз);
- 3) мораль не может существовать вне связи с исторической традицией, которая дает основание для представления людей о благе (Макинтайр);
- 4) можно дать некоторое обоснование морали, выводя ее за рамки любой определенной традиции, используя наши общие представления о морали как трансцендентальные регулятивные принципы (этика дискурса).

Неубедительность тех позиций, которые пытаются избежать поисков оснований морали состоит в том, что для того, чтобы обрести уверенность в правильности нашего поведения и принимаемых политических решений, необходимо дать определенное обоснование морали. Такой ответ может быть найден не только в определенной исторической традиции, поскольку идея универсализма, всеобщая форма выражения нравственного требования, претендует на то, что предписываемый им образ жизни был приемлем для всех.

1.5 Проблемы этической ответственности науки

В XX веке в результате серии научно-технических революций совершился переход к информационному обществу, а наука предстала как основная производительная сила общества. Впечатляющие успехи научного знания сопровождались и нарастанием опасности использования новейших научных и

⁷ Разин А. В. Онтологические основы морали в сознании современного общества // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2004. № 4. С. 63.

технических разработок в антигуманных целях. Проблемы этической ответственности науки занимают одно из центральных мест в современной этике. Наука и техника – главные движущие силы социально-экономических изменений в современном обществе, с их помощью человечество с поразительной скоростью изменяет окружающую среду. Традиционно наука рассматривалась как благо для человечества, как составная часть развития человека на пути познания и углубленного понимания устройства мира, в которое сегодня человек столь активно вмешивается. Одним из скрытых допущений, делавшее возможным такой контракт общества и науки, было представление о том, что знание, которое дает наука, так или иначе есть нечто безусловно благое и полезное в самых разных отношениях. Соответственно в качестве такого же безусловного блага рассматривалась и та познавательная деятельность, которая является смысловым ядром науки. К этому следует добавить, что научные исследования – если сравнивать с нынешними временами – были не очень обременительными для общества с точки зрения материальных ресурсов. Сейчас ситуация иная. Так, стоимость грандиозного международного проекта «Геном человека» по порядку величин сопоставима со всеми предшествующими затратами человечества на научные исследования⁸. Вложения в науку требуют отдачи, какого-то возмещения обществу. Сейчас люди больше не воспринимают науку как благо и не склонны ассоциировать ее с классическим поиском путей к более просвещенной цивилизации. Вера в честность и ответственность ученых падает, уступая отчасти подозрениям и опасениям перед возможностью всякого рода злоупотреблений. Одна из причин этого – очевидная нечувствительность многих ученых к тем этическим проблемам, которые порождаются их же исследованиями. Обсуждение этих проблем долго игнорировалось традиционной наукой во имя таких ее норм, как «беспристрастность» и «объективность», и на том основании, что этика имеет дело с человеческими интересами. Еще недавно, всего лишь полтора-два десятилетия назад обычно считалось, что этические проблемы науки возникают лишь в редких, исключительных ситуациях и касаются

⁸ Юдин Б. Г. О возможности этического измерения науки // Человек. 2000. № 5. С 6.

лишь отдельных областей научного знания. Сегодня, однако, такое представление выглядит безнадежно устаревшим. Встающие сегодня перед человечеством проблемы чрезвычайно серьезны, и наука несет свою долю ответственности за то, чтобы их решать. Новые реалии привели к необходимости признания того, что социальная, этическая и гуманистическая ответственность ученых не является альтернативой свободе научного поиска; требования, исходящие от этики, входят в число действительных предпосылок научного познания, а это значит, что связь между этикой и наукой не только возможна, но и вполне реальна. О растущей актуальности этического измерения современной науки свидетельствует создание Постоянного комитета по ответственности и этике в науке при столь авторитетной организации, как Международный Совет научных союзов (ICSU). На смену традиционно индивидуалистическому, изолированному от общества поиску «объективных знаний» сегодня приходит наука, организующаяся в форме коллективных исследовательских проектов, наука, которой приходится постоянно оправдываться, ссылаясь на свою потенциальную пользу для человека. Наука приобретает *явно выраженное этическое измерение*, которое нельзя игнорировать. В нынешних своих масштабах и формах научно-технический прогресс непрерывно генерирует все новые и новые проблемы этического характера. Научная деятельность явно обретает новые стороны, связанные с морально-этической рефлексией, которая становится неотъемлемой составляющей современного научного знания. Методологические проблемы каждой области научного знания в чем-то существенном отличны друг от друга; точно так же свои специфические характеристики присущи и морально-этическим проблемам каждой из областей знания. В XX веке большое распространение получили различные направления прикладной этики, связанной с моральными коллизиями в конкретных сферах общественной практики и этика существует как совокупность биоэтики, этики науки, бизнеса, политики.

Многие научные и технические достижения XX столетия принесли человечеству немалые блага, а ситуация на переднем крае современной науки позволяет ожидать еще больших благ. Вместе с тем, как признают сегодня многие

ученые, эти блага распределены по планете чрезвычайно неравномерно. Более того, угроза для окружающей среды и препятствия для мирного сосуществования различных народов и стран в большой мере прямо или косвенно порождены научной деятельностью. Поэтому, хотя современная наука, несомненно, заслуживает почестей за многие достижения, благодаря которым мы приобрели более глубокие знания и понимание, она должна принять и критику за ту деструктивную роль, которую сыграла и продолжает играть в некоторых не столь славных разделах нашей истории. Роль этики в науке стала существенно более значимой и многогранной. Активно работающие ученые все чаще подчеркивают важность участия в дискуссиях по этике, а критики науки все чаще бросают ей вызов именно в этой области. Уже созданы форумы и комитеты, призванные заниматься этическими проблемами научной деятельности. Этика стала тем общим основанием для науки и общественности, которое может помочь установить новое взаимопонимание между ними. Эта ее роль находит отражение и в мерах, предпринимаемых крупными международными организациями. 25-я Генеральная ассамблея ICSU, одобряя организацию Постоянного комитета по ответственности и этике в науке, предложила, чтобы Комитет подготовил заявление ICSU по ответственности и этике в науке для широкого распространения. Позже ЮНЕСКО с подобными же целями организовала Всемирную комиссию по этике научного познания и техники (COMEST).

Методологические проблемы каждой области научного знания в чем-то существенно отличны друг от друга; точно также свои специфические характеристики присущи и морально-этическим проблемам каждой из областей знания. Это объясняет то, что в XX веке большое распространение получили различные направления прикладной этики, связанной с моральными коллизиями в конкретных сферах общественной практики, выступающие как совокупность биоэтики, этики науки, бизнеса, политики.

В тех разделах науки, которые связаны с познанием человека, эти проблемы острее и жестче, чем в других, удаленных от реалий человеческого существования. Однако есть серьезный смысл в обсуждении этических проблем

науки в целом. Большая часть вложений в науку в двадцатом столетии была мотивирована войнами (первая и вторая мировые войны, холодная война и множество вооруженных конфликтов). В более мирных условиях от науки, по видимому, можно было бы ожидать других результатов. Наиболее важный, возможно, – движение к *устойчивой биосфере*, которая была бы уравновешена и с экономической и с экологической точек зрения. Но пока члены Римского клуба безуспешно ищут разумные слова, чтобы убедить неразумное человечество остановиться у последней черты, в трансгенной биотехнологии около 10 лет идет создание новых организмов, предназначенных для генетической модификации биосферы. Речь идет в первую очередь о более экономичных и более экологичных сельскохозяйственных растениях, посевы которых должны уменьшить внесение в среду вредных для нее химикатов. Так, успешно внедренные в практику трансгенные инсектицидные растения в своем геноме несут ген бактерии *Bacillus thuringiensis*, поражающей вредителей кукурузы, картофеля и хлопка. Производственные посевы трансгенных растений занимают в США – 35,7 млн га, в Аргентине – 11,8 млн га, в Китае – 1,5 млн га. В 2001 году в мире трансгенными растениями было занято 52,5 млн га, а их прирост составил 19 % в год. За последние 12 лет в США выращено 3,5 трл трансгенных растений, из них более двух триллионов в 1999–2000 годах. При этом, как утверждается, не зарегистрировано никаких серьезных медико-биологических последствий при их производстве и использовании. Все трансгенные растения, предназначенные для массового применения, обязательно проходят предварительную оценку на безопасность. В целом же предполагается, что трансгенное сельское хозяйство станет не только более экономичным, но и более экологичным и дружелюбным для окружающей среды, чем традиционное, основанное на массовом применении химических средств защиты растений. Еще более радикальный и наиболее рискованный путь направленной эволюции биосферы – генетическая модификация микроорганизмов, которые обеспечивают основные превращения веществ в важнейших биогеохимических циклах биосферы. Количество микробов в биосфере составляет астрономическую величину: $4-6 \times 10^{30}$

клеток или $3,5-5,5 \times 10^{17}$ г органического углерода, а скорость продукции всех микроорганизмов планеты – $1,7 \times 10^{30}$ клеток в год. Основные проекты улучшения биосферы направлены на создание трансгенных микроорганизмов, способных удалять из загрязненных почв и вод токсичные вещества путем их расщепления до углекислого газа и воды; активно поглощать из атмосферы углекислый газ и тем самым снижать парниковый эффект; повышать продуктивность планктона мирового океана; аккумулировать влагу из атмосферы и превращать пустыни в плодородные земли. В настоящее время из-за экологической неопределенности и непрогнозируемости массовый выпуск в биосферу трансгенных микроорганизмов повсеместно запрещен. Но лабораторные исследования и небольшие полевые испытания трансгенных микробов продолжаются, поскольку это, похоже, самая эффективная и пока единственная возможность остановить деградацию биосферы, не ограничивая развитие цивилизации.

II ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭТИКИ

Наш мир разделен на Север и Юг – не только материальное благосостояние, но и образование, информация и многие другие блага распределяются между этими двумя его частями не поровну. Против такого глобального неравенства выступает Гвадалахарская декларация⁹: «Во имя независимости науки и ее призвания честно служить всему человечеству, мы отвергаем подчинение научных исследований целям и интересам власть имущих. Серьезнейшей болезнью человечества является постоянно растущее неравенство между народами. В то время, когда некоторые регионы нашей планеты все еще не справляются с нехваткой продовольствия, в других регионах люди страдают от переедания и потери аппетита; если ожидаемая продолжительность жизни в Африке только 55 лет, то в Европе она превышает 75 лет. Мы считаем, что преодоление этих и всех других форм неравенства должно быть высшим приоритетом научной дея-

⁹ Декларация опубликована в г. Гвадалахара 15 июля 1998 г., в рамках Международного летнего университета «Наука и жизнь», подписана многими учеными из разных стран.

тельности и финансирующих ее фондов»¹⁰. Независимо от того, согласны ли мы с этим призывом и с тем, что наука должна помочь в достижении справедливости, следует признать, что этот призыв поддерживается далеко не каждым из принимающих решения людей. Иначе устойчивая биосфера не казалась бы столь недостижимой, а социальное неравенство было бы значительно менее трагическим. Очень многие ученые сегодня настаивают, что наука должна бороться не только за преодоление неравенства, но и за устойчивую биосферу. Равное распределение выгод не менее важно и с экологической точки зрения. Последствия деградации окружающей среды часто ложатся непропорциональным бременем именно на те группы населения, которые ущемлены в расовом и экономическом отношении. Более состоятельные люди и страны могут позволить себе покупать воду в бутылках, переезжать из неблагополучных и зараженных районов, получать доступ к информации об имеющихся альтернативах, влиять на политический процесс, бороться с экологическими бедствиями, покупать лучшую еду и приобретать качественные медицинские услуги и способы лечения». Нет сомнения, что научное сообщество может внести большой вклад в разрешение этих проблем.

Управление в условиях многообразия и уважение культурной самобытности – актуальные вопросы отнюдь не только для нескольких «многонациональных государств». Почти все страны не однородны по своему составу. Примерно 5000 этнических групп проживают сегодня в мире, насчитывающем около 200 стран. Две трети из них имеют, по крайней мере, одно значимое меньшинство – этническую или религиозную группу, на которую приходится не менее 10 % населения. Простота коммуникации и передвижения сделали мир меньше, изменили весь пейзаж культурного многообразия, а развитие демократии, прав человека и новые глобальные связи дают людям больше возможностей эффективно согласовывать свои действия и объединяться для достижения общих целей. Индивиды могут иметь и действительно обладают множественной идентичностью, отдельные аспекты которой взаимно дополняют друг друга (этни-

¹⁰ Этика и ответственность науки // Человек. 2000. № 5. С. 17.

ческая, языковая, религиозная и расовая принадлежность, а также гражданство). Центральным вопросом культурной свободы является наличие возможности для людей выбирать тот образ жизни, который они предпочитают, – при реальном наличии других вариантов. Культурная свобода – это свобода человека выбирать свою самобытность, т.е. оставаться самим собой или становиться тем, кем хочешь и продолжать жить, не лишаясь права на другие важные возможности. Исключенность по образу жизни происходит, когда принятые в государстве или в обществе порядки отрицают или подавляют культуру группы, в том числе ее язык, религию, обычаи или образ жизни. Исключенность из участия – социальная, экономическая и политическая исключенность по этническому, языковому или религиозному признаку связана с дискриминацией или притеснением из-за культурной самобытности. Такая исключенность выражается в дискриминационной политике государства (отказе в гражданстве, в праве голоса или в праве занимать государственные должности), исторической дискриминации, оставшейся неисправленной (более низкое качество образования) или социальной практике (например, в меньшем внимании СМИ к мнению той или иной группы, или в дискриминации при приеме на работу). Глобализация ускорила потоки инвестиций, которые оказывают глубокое влияние на уровень доходов многих коренных народов. За последние 20 лет более 70 стран развили свое законодательство в целях содействия росту инвестиций в добывающие отрасли – в нефтяные, газовые и горнодобывающие предприятия. Глобализация также ведет к повышению спроса на знание как экономический ресурс. Коренные народы обладают богатым ресурсом традиционного знания – о целебных растениях, видах пищевых продуктов, которые пользуются спросом у потребителей, другими ценными знаниями, которые могут использоваться без их ведома. Так, на несанкционированное использование традиционных знаний или незаконное присвоение лечебных растений в 2000 году было выдано 7 тыс. патентов. Неравенство между Севером и Югом включает и разный объем мировой торговли товарами культурного назначения. В области кино-, фото-, радио- и телепродукции, печатных изданий, литературы, музыки и изобразительного

искусства увеличилось в 4 раза – с 95 млрд долл. в 1980 г., свыше 380 млрд – в 1998. При этом около 4/5 объема этих потоков исходит из 13 стран мира. Киноиндустрии на фильмы производства США регулярно приходится около 85 % киноаудитории мира. Новые технологии спутниковой связи в 1980-х гг. стали мощным средством расширения глобальных контактов и способствовали созданию такой глобальной сети массовой информации, как Си-Эн-Эн. Исследователи рынка выявили «глобальную элиту» – мировой «средний класс», который демонстрирует одинаковый стиль потребления, предпочитая «глобальные бренды». Самое поразительное явление последних десятилетий – «глобальные подростки», которые населяют «глобальное пространство», – единый мир поп-культуры, – «поглощая» музыку и видеопродукцию и представляя собой огромный рынок для производителей кроссовок, футболок и джинсов. Глобализация трансформирует международное передвижение людей в количественном и качественном отношении. Число международных мигрантов – людей, живущих вне родины, – увеличилось с 76 млн в 1960 г. до 175 млн в 2000 г. Интернет и глобальные СМИ приносят в дома людей информацию о реальной действительности со всего света, из которой они узнают о различиях в заработной плате и социально-бытовых условиях – и стремятся к лучшей жизни. В 1990-х гг. население иностранного происхождения в более развитых регионах выросло на 23 млн. человек. Сегодня почти каждый десятый житель этих стран родился в другой стране.

Культурная идентичность неоднородна, она изменяется, то есть представляет собой динамичный процесс, внутренние конфликты и противоречия которого порождают новые изменения. В условиях глобализации формируется стратегия мультикультурализма, которая опирается на четыре принципа:

- защита традиций может оказывать сдерживающее воздействие на развитие человека;
- необходимо уважать существующие различия и многообразие;

- многообразие процветает во взаимосвязанном мире, где идентичность людей множественна и взаимодополняема и где они чувствуют себя частью не только местной общины, но и всего человечества;
- по мере уменьшения диспропорций и неравенства в экономической и политической областях уменьшается и угроза более бедных и слабых сообществ.

Антииммигрантские группы часто выступают за защиту национальной идентичности под флагом сохранения традиций. В результате сужается свобода их выбора, поскольку страны отгораживаются от позитивных социально-экономических аспектов иммиграции, которая обогащает экономику новыми методами работы и приносит рабочую силу. А защита национальной индустрии культуры средствами протекционизма сокращает возможности выбора для потребителей.

Источники глобальной этики¹¹

Главным источником глобальной этики является идея уязвимости человека и желание максимально облегчить страдания каждой личности. Другим источником служит вера в изначальное моральное равенство всех людей. Заповедь, предписывающая относиться к другим так, как ты хотел бы, чтобы относились к тебе, прямо упоминается в буддизме, христианстве, конфуцианстве, индуизме, исламе, иудаизме, даосизме и зороастризме и подразумевается в практике всех вероисповеданий.

В понятие глобальной этики входят пять основных элементов:

Равенство. Признание равенства всех людей, независимо от классовой, расовой или гендерной принадлежности либо отнесенности к какому-либо сообществу или возрастной группе, составляет суть общечеловеческих ценностей. Равенство также включает необходимость сохранения экологических и природных ресурсов, которые могут использоваться будущими поколениями.

¹¹ Доклад о развитии человека – 2004. Культурная свобода в современном многообразном мире. Изд-во «Весь мир», 2004.

Права и ответственность человека. Соблюдение прав человека является обязательной международной нормой поведения. Главная задача состоит в защите всех людей от угроз свободе и равенству. Первоочередное значение прав личности отражает воплощенное в них равенство людей, которое ставится выше любых претензий, опирающихся на групповые или коллективные ценности. Но права неотделимы от обязанностей. Обязательства без права выбора тягостны, а право выбора без обязательств ведет к анархии.

Демократия. Демократия служит многообразным целям: обеспечению политической самостоятельности, охране основных прав и созданию условий для полноценного участия граждан в экономическом развитии. На глобальном уровне демократические нормы имеют существенное значение для обеспечения участия в принятии решений и права голоса бедных стран, маргинальных обществ и дискриминируемых меньшинств.

Защита меньшинств. Дискриминация меньшинств имеет место на разных уровнях: непризнание, лишение политических прав, исключение из общественно-политической жизни и насилие.

Мирное урегулирование конфликтов и справедливые переговоры. Справедливость и беспристрастность не могут быть достигнуты путем навязывания предвзятых моральных принципов. Урегулирование разногласий следует осуществлять путем переговоров. Все стороны должны иметь право голоса. Глобальная этика не означает единственного пути к миру, развитию или модернизации. Она представляет собой основу, в рамках которой общества могут находить мирное решение проблем. Глобализация способна расширить культурные свободы, только если все люди развивают множественные и взаимодополняющие идентичности как граждане мира и, одновременно, как граждане определенного государства и члены определенной культурной группы. Глобальная культура характеризуется принципами общечеловеческой этики, основанной на правах человека и на уважении свободы, равенства и достоинства каждого человека. Государства формируют национальное самосознание не только ради

объединения населения, но также и для проецирования идентичности, отличной от других.

Новый статус человека в культуре и мире: этический аспект рассмотрения

Новое видение мира в новых условиях вызвано изменившимся соотношением человека, природы и мира. Новые достижения в изучении мозга, в психиатрии и философии сознания ставят под вопрос многие традиционные взгляды – прежде всего, понятие человеческого «я». Традиционно считалось, что число личностей, персон или «я» для каждого отдельного «нормального» человеческого существа должно быть строго равно *единице*. В философии, науке, религии, психиатрии, в юридических и социальных теориях, однако, бытовали различные формы и интерпретации этого утверждения. В наши дни как в теоретических, так и в практических исследованиях общим местом становятся утверждения о расчлененном, фрагментарном сознании и многочисленных последовательно сменяющих друг друга «я». От ответа на вопрос, детерминирована ли сущность человека процессом его вхождения в культуру или биологически предзадана, зависит и степень его моральной вменяемости ответственности за свое поведение. В идеологиях XX века жизнь была привязана к биологии, а ее ход – к социальному конструктивизму. В 1940-е годы новая наука возникла новая наука – этология. В 1970-е годы группа ученых-эволюционистов предложила включить науки о человеке в биологию, выступив с идеей *социобиологии* – дисциплины, призвавшей соединить теорию естественного отбора, этологию и знание о человеке; Социобиология, как учение о биологических основах всех форм социального поведения в мире живых организмов, включая и человеческое общество, при всей ее новизне и радикальности формулировок была в сущности продолжением дела, начатого еще самим Ч. Дарвином. В труде «Происхождение видов путем естественного отбора или сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь» (1859) Ч. Дарвин писал, что такие отличительные особенности человека, как двуногость, специфическое оформление руки, развитый мозг и членораздельная речь, являются безусловными адаптациями и по-

этому созданы естественным отбором (а также половым отбором, приведшим, в частности, к утрате человеком волосяного покрова). Качественное отличие психики человека и животных Дарвин отрицал. По его мнению, в психике животных можно видеть зачатки чувствования, любопытство, раздражительность, внимание, память, воображение, элементы рассудка. Принципиально не новы и такие человеческие качества, как разум, употребление орудий, самопознание, речь, чувство красоты; даже нравственное начало человека имеет корни в животном мире. Дарвин считал естественный отбор фактором развития не только морфофункциональных характеристик, но также умственных и нравственных качеств. Более того, он выступил с идеей группового отбора, полагая, что отбор поощрял наиболее сплоченные коллективы, включающие одаренных людей. Таким образом, Дарвин дал первый систематический очерк чисто натуралистического объяснения природы и происхождения человека. Социобиологи считали, что единства знания о человеке можно достичь, проводя последовательно идею о единстве человека и эволюционирующей природы, – иными словами, переосмысливая культуру с позиций биологии. *Эдвард О. Уильсон* – биолог из Гарвардского университета в труде «Социобиология: новый синтез» и предназначенной для широкой аудитории работе «О человеческой природе» определил социобиологию как систематическое исследование биологической основы всех форм социального поведения у всех организмов, включая человека. Уильсон собирался реформировать этику, гуманитарные и социальные науки, а также биологию человека на основе «подлинно эволюционистского объяснения человеческого поведения». Выбор термина «социобиология» ясно передавал его веру в то, что общественные отношения могут быть поняты биологически, иными словами, что в основе их лежат, по выражению самого Уильсона, стратегии «человеческого животного» на выживание. Он считал, что использование знания, полученного биологией, – одна из самых передовых стратегий, которые может предложить сама природа. «Наука, – писал он, – скоро сможет изучать происхождение и значение человеческих ценностей, лежащих в основании эти-

ческих заповедей и большей части политической практики»¹². Уильсон считал, что приобретенное в эволюции знание, которое на современном языке он называл знанием генетических стратегий, лежит в основании всей науки и служит руководством к действию по общему благосостоянию. Гены держат культуру на поводке. Поводок этот довольно длинный, но он с неизбежностью будет сдерживать ценности в соответствии с их влиянием на генетический пул... Человеческое поведение – как и более глубоко лежащая способность эмоционального реагирования, которая нас побуждает и нами руководит – это циклическое устройство, посредством которого генетический материал человека был и будет сохраняем в неизменности. Доказать, что нравственность имеет более важное конечное назначение, невозможно. Уильсон со своими единомышленниками – социобиологами считали генетические стратегии самым важным «краеугольным основанием» человеческой природы. В первой половине XX века обе позиции – примат как природного, так и социального – лежали в основе глобальных проектов создания нового мира и нового человека. Так, в нацистской Германии реализовывалась программа радикального совершенствования наиболее ценной части человечества за счет манипуляций, нацеленных на контролируемое и направленное улучшение видового генофонда. В Советском Союзе предполагалось, что контролируемое и плановое, направленное изменение социального порядка позволит создать не только новое, бесконфликтное общество, но и нового человека – всесторонне и гармонически развитую личность. Подобного рода проекты – исходящие как из преимущественно биологической, так и из преимущественно социальной природы человека, – выдвигаются и реализуются и сегодня. Однако между прежними и теперешними проектами существуют принципиальные различия. Прежние проекты основывались на концепциях, описывающих реальность в терминах *детерминации* и детерминирующих, определяющих сил – будь то генетическая конституция или законы истории, – а не того, что конструируется и реконструируется с помощью технологических средств. Основной интерес при этом был направлен на то, чтобы поставить под

¹² Смит Р. Человек между биологией и культурой // Человек. 2000. № 1. С. 13.

контроль эти детерминирующие силы. Важно иметь в виду, что такие проекты могли быть эффективными в достижении поставленных целей только при условии, что детерминирующие силы действуют в огромных масштабах. Отдельная же человеческая жизнь воспринималась как бесконечно малая величина, как песчинка. В отличие от этого в сегодняшних проектах акцентируется не детерминация, а конструирование и реконструирование человеческого существования. Соответственно в качестве исходной и конечной точки нынешних проектов выступает именно отдельная человеческая жизнь, что отличает и новый утопизм, и новую евгенику¹³.

Если социобиология пытается свести поведение человека к исполнению генетически заданных программ, то современные теории управления видят в нем *актора*, функционера. Понятие актора – (актера, действующателя, дельца) стало использоваться в социологии в первой четверти XX века для характеристики особого исторического типа человека рыночно – технологической эпохи, постепенно заменяющего собой личность. Актор с точки зрения этики, – это человек без ценностей¹⁴. Не случайно с середины XX века в социологии это слово стало постепенно вытеснять понятие личности. Человеческая душа, – писал Н. Бердяев, – не может выдержать той скорости, которой от нее требует современная цивилизация. Это требование имеет тенденцию превращать человека в машину. Техническая цивилизация по существу своему имперсоналистична. Она не хочет знать личности. Она требует активности человека, но не хочет, чтоб он был личностью. Актор – носитель рациональности как последовательного стремления к сознательно и заранее поставленной цели¹⁵. Он «разумный эгоист», для которого чувства, общение, переживание теряют самостоятельную ценность. Общество перестает быть исключительно человеческим с момента, когда техника начинает заменять не только физическую, но и умственную силу человека. В большинстве теорий управления признается, что теперь конкурентоспособны те предприятия, которые развиваются по законам социотехниче-

¹³ Юдин Б. Г. Еще раз о перспективах человека // Человек. 2004. № 4. С. 27.

¹⁴ Кутырев В. А. Человек XXI века: уходящая натура... // Человек. 2001. № 1. С. 54.

¹⁵ Бердяев Н. Человек и машина // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 149.

ских систем, сплавляющих человека и технику в одно целое. И человек в них является «фактором». Если в начале своего развития науки о взаимодействии человека с техникой были озабочены приспособлением техники к человеку, то теперь вектор поворачивается в противоположном направлении, вплоть до намерений прибегнуть к услугам геной инженерии и «начинке чипами». Современная инженерная психология рассматривает человека, работающего в сложной автоматической или полуавтоматической системе, как звено этой системы: с «сенсорным входом», мозгом как «устройством для переработки информации» и моторным «выходом». Он – «ресурс», его надо активизировать, но особенно контролировать по надежности. Концептуальное обоснование замены личности актором наиболее подробно разрабатывается в Америке в рамках *би-хэвиоризма, философского прагматизма, карнегианства, дианетики*.

Еще один современный вызов нашим представлениям о человеке, – это попытки с помощью воздействия на генную систему изменить саму человеческую телесность, создать более «совершенного» человека, наиболее приспособленного к выполнению тех или иных конкретных функций. Появились энтузиасты, пропагандирующие новые способы экспериментирования над человеческим телом и связывающие с изменением человеческой телесности осуществление самых дерзновенных мечтаний, реализацию новой генно-технологической утопии. Возникающая в этой связи проблема связана с тем, что подобного рода вмешательство может привести к необратимым последствиям, сходным с результатами человеческого воздействия на природу: человек может перестать быть человеком¹⁶.

Еще одной проблемой, требующей в том числе и этического осмысления, явилась революция в информационных технологиях, сулящая не только новые возможности, но и большие проблемы. Например, развитие Интернета, охватившего весь мир, привело к новой форме зависимости человека. Примерно для 6 % пользователей глобальная компьютерная сеть является аналогом наркотика. К такому выводу пришли ученые, представившие результаты своих иссле-

¹⁶ По материалам Бюллетеня медицинской этики (Bulletin of Medical Ethics). № 202. 2004.

дований на форуме Американской ассоциации психологов в Бостоне (1997). Притягательную силу Сети психологи объясняют появлением у человека в виртуальном мире чувства раскованности, исчезновением ощущения времени, интимностью взаимоотношений с виртуальными корреспондентами, снимающей многие психологические комплексы. По мнению специалистов, процент интернет-зависимых со временем будет расти, так как Сеть поставляет внутренние наркотики, которые значительно сильнее внешних. Исследователи подразделяют эту категорию пользователей на группы: сексуально-эмоциональную, потребительскую, игровую, биржевую и проявляющую любовь к самому Интернету. Самый распространенный тип болезненного общения, характерный для последней из перечисленных групп пользователей, – погружение субъекта в диалог с другим субъектом через Интернет, ведущее к полному забвению реальной жизни. В качестве новейшего и эффективнейшего средства формирования гипнотической пассивности зрителя выступает телевидение. Именно поэтому телевизионная реклама считается наиболее действенным способом программирования покупателей. В последние полтора десятка лет английские и американские психологи столкнулись с неизвестным ранее психическим заболеванием – манией покупок. Согласно оценкам специалистов, 1,5–2% американцев имеют признаки этой болезни. Свойственна она в основном людям, страдающим от одиночества, комплексами неполноценности, низкой самооценки, не видящим смысла в своем существовании. Рекламные сообщения зомбирующе действуют на психику человека. Один из наиболее простых способов подачи неосознаваемых команд, указаний, установок и т. п. – прием Эриксона – заключается в том, что в звучащий или печатный передаваемый текст вводится скрытое сообщение: интонационно или графически в этом тексте выделяются отдельные слова, в совокупности составляющие скрытую команду. В данном случае срабатывает механизм межполушарных взаимоотношений в восприятии информации. Поскольку за оценку контекста сообщений ответственно правое полушарие мозга (за словесное содержание – левое), то полученная таким образом информация не осознается, но сохраняет свою действенность. Декан фа-

культета фундаментальной медицины МГУ О. С. Медведев утверждает: «В рекламе на российских телеэкранах свирепствует бездоказательность и вседозволенность, переходящие даже самые свободные нравственные границы»¹⁷. Многие страны чрезвычайно уязвимы в отношении сбоев, которые могут произойти в их информационно зависимых системах, таких как воздушный транспорт, энергетика и др. Сбои могут произойти случайно или в результате преднамеренного вмешательства (например, со стороны хакеров); они могут стать и результатом войны в кибернетическом пространстве. Из этой новой ситуации проистекают сложные проблемы научной этики и международной безопасности, но всеобъемлющее понимание влияния кибернетических войн пока еще остается недоступным международному сообществу.

В условиях, когда человек все более и более подвергается различного рода манипулятивным действиям со стороны медицины, СМИ, рекламы, одной из болевых точек современной этики становится проблема сохранения человеком своего достоинства. Вопрос об этическом измерении человеческого достоинства постоянен для этических учений. В XVIII веке Кант представил достоинство человеческой природы как саму основу морали. Хотя впоследствии было немало дискуссий об основаниях морали в целом и о кантовском понимании морали и достоинства, в частности, понятие человеческого достоинства до сих пор остается фундаментальным понятием морали. Человеческое достоинство остается одной из немногих общих ценностей в современном мире. Главная проблема сегодня – это отсутствие достаточной ясности по поводу того, что же значит человеческое достоинство. Понятие «достоинство» имеет разные значения в обычном словоупотреблении и в моральных рассуждениях. С одной стороны, апелляцию к «неотъемлемому достоинству» каждого человека используют для обоснования универсальных прав человека (например, упоминание о правах человека содержится в преамбуле Всеобщей декларации прав человека ООН). В этом смысле достоинство понимается как универсальное моральное качество,

¹⁷ Кордовский О. С., Гримак Л. П. Навязчивая притягательность СМИ // Человек. 2004. № 4. - С. 136-137.

которое неотъемлемо и неотчуждаемо. Ничего не требуется, чтобы заслужить его, и ничто не может его отнять. Поскольку достоинство в этом смысле присуще каждому человеческому существу независимо от его статуса, положения и любых других привходящих качеств, его можно назвать «базисным достоинством». Базисное достоинство в его кантовской формулировке – это понятие, относящееся к виду. Оно применяется ко всем людям безотносительно их особых качеств или привходящих обстоятельств. С другой стороны, можно говорить о достоинстве и в другом, более узком смысле, когда автономное «я» наделено достоинством. Это достоинство связано с личными целями и социальными обстоятельствами, с местом данного человека в социальном мире. Личностное достоинство – это понятие, в большей мере относящееся к социальному контексту. Обладает ли некто достоинством в этом смысле – зависит от множества социально конструируемых понятий и установок. Это достоинство, которое может становиться больше или меньше в зависимости от обстоятельств жизни. Это достоинство может упрочиваться при соответствующем поведении человека, но его можно и утратить либо унижить неблагоприятными поступками. На это достоинство влияют события, над которыми сам человек не властен. Его достоинство, например, может пострадать от изнурительной болезни. Именно в таком смысле оно понимается, когда обсуждается вопрос о «смерти с достоинством». Уважение достоинства людей означает, что мы должны уважать их выбор. Люди, не имеющие способности выбора, или те, у кого она так или иначе ограничена либо нарушена, считаются лишенными достоинства. Обладающие же способностью выбора могут чувствовать, что их достоинство попирается, если их выбор не учитывается. Потеря независимости и контроля над своим телом влечет за собой страдания индивида и интерпретируется как утрата достоинства в обществе, в котором ценится независимость и самодостаточность. Достойная жизнь, как она определяется современной культурой, – это часто жизнь в одиночестве. Те, кто утратил независимость или контроль над телесными функциями, часто внушают отвращение и самим себе, и окружающим. Быть обслуживаемым из-за собственной беспомощности считается чем-то не-

достойным. Только если человек умер внезапно, контролируя при этом все свои способности, его будут помнить как достойную личность. Такому пониманию достоинства личности противостоит *этика солидарности*, которая подчеркивает нашу взаимозависимость. Прекрасная жизнь, как и жизнь, исполненная достоинства, выражается в заботливых отношениях между людьми¹⁸.

Одной из важнейших проблем этики всегда была проблема смысла человеческого существования. Трагический опыт человечества в XX веке повлиял на толкование смысла жизни. Эпикурейство, понимаемое исключительно как получение удовольствия, было подкреплено идеями Зигмунда Фрейда, который сводил смысл жизни к счастью, а последнее – к наслаждению. Для Фрейда характерна атеистическая духовность: система высших нравственных критериев имеет ценность и позитивный смысл для личности лишь тогда, когда личность свободна от давления внешних шаблонов, какими бы они не были, и способна самостоятельно выработать или, по крайней мере, самостоятельно оценить систему моральных координат и экзистенциальных категорий. Столь же диалектично у Фрейда понимание вины, которое вкратце можно сформулировать так: человек виновен, но в этом он не виноват. Такая диалектика вины и предопределенности раскрывает перед человеком возможность развития, которое продолжается всю жизнь, поскольку здесь предопределенность не означает безысходности. Стоическая традиция, в рамках которой намечаются пути преодоления трагического мироощущения, сохраняется в исследованиях В. Франкла, Б. Беттельгейма. По-прежнему влиятельными и значимыми в западном массовом сознании остаются традиции протестантской этики, в рамках которой культивируются чувства долга, ответственности. Альтернативой гедонистических тенденций выступает трансперсональная психология, сторонники которой претендуют на создание культурно-цивилизационного проекта, вбирающего в себя все многообразие ценностей жизни.

¹⁸ Пулмэн Д. Достоинство человека, боль и страдание // Человек. 2001. № 3. С. 105-107.

III ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БИОМЕДИЦИНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Один из главных векторов, которыми можно описать направление развития науки и техники в последние десятилетия – это ее неуклонное приближение к человеку, к его потребностям, устремлениям, чаяниям. Отныне от научных исследований все больше начинают требовать, чтобы их результаты удовлетворяли запросы общества и потребности человека. Приоритетными становятся исследования в области охраны окружающей среды и особенно наук о жизни, прежде всего биомедицины. Выдвигаются такие амбициозные цели, как победа к заданному сроку над онкологическими или сердечно-сосудистыми заболеваниями. Сам человек все в большей мере становится объектом самых разнообразных научных исследований. И чем более на нем концентрируется научное познание, чем более тонкие и эффективные средства воздействия разрабатываются наукой, тем неизбежнее возрастают риск и опасности, которым подвергается человек. Следовательно, актуализируется задача защиты того самого человека, во имя которого теперь осуществляется прогресс науки и техники, от негативных последствий того же самого прогресса. В результате резко обостряется необходимость выявлять такие последствия, что переводит нас в ту область, которая и может быть обозначена как этика науки. В биомедицинских исследованиях существует два основных механизма такого регулирования. Это, во-первых, процедура информированного согласия, которое перед началом исследования дает каждый испытуемый. Так, в статье 43 «Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» отмечается: «Любое биомедицинское исследование с привлечением человека в качестве объекта может проводиться только после получения письменного согласия гражданина. Гражданин не может быть принужден к участию в биомедицинском исследовании»¹⁹. Во-вторых, в современной практике принято, что проект может осуществляться только после того, как заявка на исследования будет одобрена неза-

¹⁹ Юдин Б. Г. О возможности этического измерения науки // Человек. 2000. № 5.

висимым этическим комитетом. Специальные структуры этического контроля, первоначально осуществлявшегося лишь коллегами, впервые возникли в 50-х годах в США, а в 1966 году официальные власти сделали этическую экспертизу обязательной для всех биомедицинских исследований, которые финансировались из федерального бюджета. Позже экспертиза была распространена также и на исследования, финансируемые из других источников. В США обязательной этической экспертизе подлежат не только биомедицинские исследования, но и психологические, антропологические и т.д., коль скоро они проводятся на человеке, а также исследования на животных. В 1967 году этические комитеты начали создаваться при больницах и исследовательских учреждениях Великобритании, причем инициатива исходила снизу, от самих медиков. Механизмы этического контроля действуют даже тогда, когда исследования проводятся без непосредственного воздействия на испытуемого. Например, если для так называемого эпидемиологического исследования необходимы данные о состоянии здоровья, генетических, биохимических и других показателях тех или иных групп населения, то перед проведением исследования необходимы и процедура информированного согласия, и независимая этическая экспертиза. Они необходимы и в случаях, когда исследуется тот или иной биологический материал (скажем, кусочек ткани), извлеченный у человека. Вся наша культура, наша нравственность, наши представления о демократии основаны на той человеческой телесности, с теми присущими ей возможностями, с тем распределением способностей между индивидами, которая до сих пор считалась чем-то неотъемлемым от самого понимания человека. Трансплантация частей тела и органов привлекает внимание этических комитетов, особенно в тех случаях, когда речь идет о необязательных операциях. Например, когда косметические операции приносят пациенту больше вреда, чем пользы, нарушая основной принцип медицинской этики «не навреди». Недавнее хирурги заявили о практической возможности трансплантации лица, что в будущем может стать заманчивым видом косметической операции. Французский национальный этический комитет в своем постановлении обращает внимание на то, что термин «пересадка лица»

неверен, поскольку речь идет о пересадке тканей: подобная операция отличается от пересадки органов и неизвестны все существующие риски таких трансплантаций, а, следовательно, пациент не может дать информированное согласие на операцию. Этический комитет рекомендует врачам и пациентам воздержаться от практики полной трансплантации лицевых тканей, принимая во внимание низкий уровень существующих знаний, а к частичной трансплантации прибегать лишь в крайних случаях, учитывая высокую степень риска подобных операций. Этические аспекты имеет и нейрофармакология. За последние 30–40 лет были разработаны лекарственные препараты, которые помогали при серьезных психических расстройствах (например, шизофрении). Ученые поняли, что многие психологические явления имеют биологическую основу и могут лечиться достаточно просто и эффективно с помощью лекарств, которые работают на уровне передачи нейронов. Были созданы *норетинефрин* и *серотонин*, которые являются очень сильными нейротрансмиттерами и оказывают ярко выраженное воздействие на поведение человека. Серотонин работает как антидепрессант. У людей, которые находятся в состоянии депрессии, обычно ненормально низкое содержание серотонина в клетках мозга. Его применение оказывает влияние на психику: появляется чувство, что собственный труд дает результат, поднимается самооценка. Все это напрямую зависит от содержания серотонина в мозгу. Препарат *прозак* вызывает повышение чувства собственного достоинства и самоуважения более легко и просто, чем это можно достичь традиционным путем. Таким образом, это обстоятельство в некотором смысле подрывает этическое понимание того, что значит прожить счастливую и полноценную жизнь, поскольку существует фармакологический способ наиболее просто достичь того, что раньше ассоциировалось с социальным статусом. *Амфетамин риталин* – препарат, выписываемый при нарушениях, связанных с дефицитом внимания и гиперактивностью. Неспособность сосредоточиться (дефицит внимания) и повышенная активность у одних детей выражены слабо, у других – достаточно сильно. Риталин (или метилфенидат) оказывает воздействие на способность контролировать свое поведение. 15–20 млн американских детей принимают ри-

талин как лекарство, которое помогает им сосредоточиться на своем поведении в школе. Во многом этот препарат используется учителями и родителями для контроля социального поведения детей. Проблема заключается в том, что все эти препараты могут быть использованы не только в чисто медицинских целях, но также и для «лечения» нормальных детей с целью достижения полного контроля над их поведением. Эти препараты могут быть использованы как с терапевтическими целями, так и с намерением оказывать влияние на чье-либо сознание в своих целях. Подобное лечение может использоваться как наиболее простой способ обретения контроля над поведением, который исключает необходимость педагогической работы в традиционном понимании воспитания²⁰.

Проблема достойной жизни связана неразрывно с проблемой достойной смерти. Представления о точности и необратимости смерти просуществовали вплоть до прошлого столетия, и именно эти базовые константы подверглись радикальному пересмотру. В конце XIX – начале XX века смерть становится объектом систематического естественнонаучного исследования, что привело к появлению такой отрасли научного знания как танатология (Танатос – бог смерти в древнегреческой мифологии), у истоков которой стоял и наш соотечественник И. И. Мечников. Понятие танатология (thanatos – смерть, logos – наука) было введено в медицинскую терминологию в 1912 г. Р. Парком. Объектом исследования является преимущественно процесс умирания, главным образом, – неизлечимо больных. Долгое время танатология представляла собой раздел медико-биологических и клинических дисциплин, изучавших причины смерти, динамику умирания. Вплоть до 60-х годов прошлого столетия единственным критерием смерти человека была остановка дыхания и сердцебиения, так называемый кардио-пульмонологический критерий. К середине XX века смерть из необратимого события превратилась в процесс, в который можно и нужно было вмешиваться. Долгое время в биологии и медицине смерть человека фиксировалась с момента прекращения дыхания и сердцебиения. Однако успехи реани-

²⁰ Фукуяма Ф. Социальные последствия биотехнологических новаций // Человек. 2008. № 2. С. 88-89.

матологии, научившейся с помощью сложной медицинской техники и искусственных методик возвращать жизнь тысячам обреченных на гибель, все изменили. Биологи и медики стали различать смерть клиническую, при которой возможна реанимация организма, и смерть биологическую, наступающую с необратимой утратой основных функций мозга («смерть мозга»)²¹. С конца 1950-х – начала 1960-х годов термин «танатология» стал приобретать в западных (прежде всего англоязычных) странах более широкий смысл. Начало этому положил американский психолог-клиницист и психиатр Г. Фейфел. В 1959 году в Нью-Йорке под его редакцией вышла книга «Значение смерти», в которой были собраны статьи не только биологов и врачей, но и известных философов, психологов и богословов, давшие мощный импульс междисциплинарным исследованиям проблемы смерти. Многие из существовавших в прошлом социальных, этических, религиозных, политических и медицинских норм, относящихся к смерти и умиранию, претерпевают сегодня существенные изменения. В современной культуре при получении медицинского образования снова начинают обращать внимание на важность таких профессиональных качеств, как честность, сочувствие, сострадание, доброжелательность и самопожертвование, которые являются основой достойного поведения. От врача требуется не только ставить диагноз и рекомендовать те или иные медицинские вмешательства. Перечисленные качества приобретают особое значение тогда, когда дело касается заботы о терминально больных пациентах. Современная танатология в развитых странах представлена широкой сетью хосписов и непрекращающимися спорами о правомерности эвтаназии, о проблемах продления жизни; борьбой со старением и растущим движением трансгуманистов. Распространение получило *паллиативное лечение* – такая форма медицинской помощи, основу которой составляют клинические вмешательства, направленные на смягчение тяжести физических и эмоциональных симптомов, переживаемых терминально больными пациентами. Слово «palliation» (временное облегчение) происходит от лат. «palliare», что

²¹ Сабиров В. Ш. О Мировоззренческих основах современной западной танатологии // Человек. 2002. № 5. С. 100.

означает «прикрывать», «прятать». Его цель не в том, чтобы излечить, а в том, чтобы смягчить симптомы. Одной из форм паллиативной помощи является *хосписная помощь* (от лат. «*hospitium*», что значит «гостеприимство» или «временное прибежище»). Хосписную помощь обычно получают те пациенты, которые смертельно больны и жить которым осталось не более полугода. Коллективный опыт медицинских бригад этих учреждений направлен на оказание дополнительной моральной поддержки как самим пациентам, находящимся в процессе умирания, так и их семьям. Хотя главное внимание, естественно, уделяется умирающему человеку, эти учреждения также учитывают эмоциональные трудности, переживаемые остальными членами семьи. Современная медицина слишком часто не отделяет пациентов от их болезни и не облегчает понимания того, что болезнь есть часть жизненного опыта. Поэтому для врача так важно развить свои собственные воззрения на жизнь, смерть и мораль. Такой интроспективный анализ представляет собой основание для выработки профессиональных умений, столь важных в паллиативной медицине, при оказании помощи пациентам, находящимся в процессе умирания. Врач, обогащаясь таким персональным опытом, обретает ту мудрость, которая позволит ему лучше оценивать, диагностировать и облегчать многообразные страдания, выпадающие на долю пациентов и их семей²².

Интерес к проблемам танатологии заметно оживился в последние десятилетия прежде всего, в связи с развитием реаниматологии. Согласно современным воззрениям смерть «слоиста»: сначала умирают высшие отделы организма, потом более низкие. В 1959 г. французы Моллар и Гулон описали состояние запредельной комы впоследствии называемой смертью мозга. Через небольшой интервал времени после смерти мозга наступает биологическая смерть, но жизнь в коматозном теле можно поддерживать искусственным путем. И хотя подобная поддержка заключается в работе аппаратов искусственного дыхания и кровообращения, искусственная жизнедеятельность организма может продолжаться в течение дней или даже месяцев. Главное, что необходимо подчеркнуть

²² Миллер С. Смерть и умирание: взгляд из разных культур // Человек. 2007. № 6. С. 67-69.

– аппараты искусственного кровообращения и дыхания не помогут реанимации пациента. Новые технологии сделали возможным относительно долго поддерживать тело пациента в «подвешенном» терминальном состоянии, из которого есть только один «выход» – биологическая смерть. Само же тело, в котором искусственно поддерживается кровообращение и дыхание, а кожные покровы, обретает совершенно необычный статус. Физиологическое состояние внутренних органов (сердце, легкие, печень и др.) сохраняется, поэтому они могут быть использованы для пересадки²³. Больной, у которого констатирована смерть мозга, является живым трупом, как принято говорить, препарат «сердце – легкие». Однако физиологические критерии должны быть дополнены нравственно-гуманитарными. Так, широко распространена точка зрения, что после смерти человек исчезает как личность и превращается в вещь. Отсюда идея изъятия органов для последующей трансплантации. Проблема заключается в том, может ли общество спокойно признать мертвой беременную женщину, плод которой продолжает развиваться, несмотря на то, что у матери констатировали смерть мозга? В 1957 г. Международный конгресс анестезиологов, озабоченный тем, что развитие технологий искусственного поддержания жизни делает проблематичным медицинское определение момента смерти, обратился к тогдашнему главе католической церкви папе Пию XII с просьбой разъяснить, чем им следует руководствоваться, проводя границу между жизнью и смертью человека, тот ответил, что «уточнять определение смерти – дело не церкви, а врачей». Необратимое угасание сознания на уровне анатомо-физиологических структур коры головного мозга открывает возможности разрешить проблемы острейшего дефицита органов. Однако этот критерий может подтолкнуть медицину и общество на очень опасный путь – использование органов пациентов, находящихся в пассивном вегетативном состоянии, которые месяцами, а то и годами находятся в палатах интенсивной терапии. Так, *анэнцефалы* – дети с врожденной аномалией – без коры головного мозга нежизнеспособны даже при интенсивной искусственной поддержке. Их рождается два-три ребенка на тысячу. Дилемма,

²³ Роганов С. В. Рецепции смерти в современной культуре // Человек. 2007. № 3. С. 42-43.

которую поставили перед современной этикой детские врачи: можно ли относиться к анэнцефалам так же, как к полноценным младенцам, даже с серьезными дефектами, но с сохраненной психикой, сознанием? Можно ли, не дожидаясь естественной (биологической) смерти, изъять жизненно необходимые органы для нужд таких же неизлечимо больных детей, страдающих, например, врожденными пороками сердца, и неминуемо погибнувших без трансплантации чужого, но здорового органа.

Психиатрические и психологические аспекты проблемы «оживленного организма» у лиц, перенесших клиническую смерть, терминальные и другие внезапно развившиеся и опасные для жизни состояния, вызвали бурное обсуждение этических проблем, а перед психиатрами и невропатологами поставили задачу лечения, реабилитации и восстановления психической деятельности у лиц с постреанимационной болезнью. Все большую силу набирает подход, в рамках которого человек стремится усилить контроль над своей жизнедеятельностью. Одним из проявлений этого стали теория и практика эвтаназии, с точки зрения которой смерть – это человеческий поступок, а не биологический акт.

С одной стороны, исследования в области генетики человека, как и их осмысление, в том числе в мировоззренческой и морально-этической плоскости, стали несомненным приоритетом не только для современной науки, но и для современного общества (там, где оно вообще хочет и может поддерживать науку и всерьез ее воспринимать). XXI-й век начался с эпохального достижения в области биологии - расшифровки строения генома. Исследования генома породили проблему продления человеческой жизни или даже практического бессмертия. Человечество еще не сталкивалось с другой такой темой, которая потенциально могла бы породить столь глубокий этический и социальный переворот во всем мире²⁴. Сегодня уже ясно, что во многом генетически детерминированы такие, казалось бы, далекие от чисто биологических характеристики, как уровень интеллекта, самостоятельность и зависимость, активность и пассивность, мнительность и тревожность, экстравертность и интровертность, чув-

²⁴ Кеннеди Л. А. Что сулит нам продление жизни? // Человек. 2002. № 3. С. 14.

ствительность или толерантность к стрессам, альтруизм и эгоизм, агрессивность или сексуальность. В значительной мере генетически детерминированными считаются теперь также многие социально обусловленные особенности человека: политические предпочтения (консерватизм, либерализм, радикализм), отношение к смертной казни, музыкальные вкусы (классическая, легкая или электронная музыка), патологическая азартность, алкоголизм, предпочтительный способ отдыха, маниакально-депрессивные психозы, шизофрения, криминальное поведение.

Успехи современной науки могут в будущем обеспечить «земное бессмертие». В 1957 г. английский биолог Д. Хаксли ввел термин трансгуманизм. Движение трансгуманизма набирает силу во всех развитых странах. Одним из главных положений трансгуманизма является неотъемлемое право человека продлевать собственную жизнь или организовывать крионическое хранение своего тела. Клонирование, трансплантация органов и другие биомедицинские технологии обеспечили бессмертию выход в поле реальности. В результате расшифровки генома, появления современных биотехнологий, а также исследования старения на клеточном и молекулярном уровне, наука подошла к тому, чтобы заняться расширением пределов человеческой жизни. Высокий спрос на подобную технологию приведет к ее появлению через 10, 30, 80 или более лет. Вопрос в том, насколько люди подготовлены с точки зрения этики, чтобы разорвать с влиянием подобной технологии на все аспекты жизни общества? Ведь обладая состоянием, нажитым любым путем (добропорядочным, воровским, киллерским), можно «заказать» себе другую жизнь, не проходя рубежа между жизнью и смертью. Это ставит человека в не- или во внеэтическую ситуацию, поскольку размывает грань между добрым и злым, справедливым и несправедливым, законным и незаконным, мотивированным и немотивированным. Обстоятельства рождения во многом определяют стиль и качество жизни, доступность здравоохранения, даже самую возможность выживания индивидов в современном обществе. Проблема заключается в том, кто и на каких основаниях в качестве вознаграждения получит долголетие: из-за особой полезности одарен-

ный ученый или выдающийся художник, мудрый политик или религиозный деятель? Тех же, кто живет благодаря помощи государства и не только не приносит какой-то пользы обществу, но, напротив, истощает его ресурсы, вполне вероятно, не будут считать «заработавшими» право на увеличение продолжительности жизни. То же самое относится к людям, которые сидят в тюрьме за нарушение принятых в обществе правил поведения. Хотя и получатель государственной помощи, и заключенный заслуживают сострадания и заботливого отношения, нет оснований полагать, что общество станет тратить свои ограниченные ресурсы для продления их жизней. Скорее всего, начнутся споры о том, насколько достойно сохранять тех, кто только истощает ресурсы и, подобно заключенным, еще и опасен для общества. Будет ли справедливо, если развитые страны станут обеспечивать гражданам третьего мира доступ к технологиям, существенно увеличивающим продолжительность жизни? Как государство будет отбирать кандидатов для продления жизни? Во многих регионах мира имеет место межэтническая напряженность. вполне вероятно, что наиболее сильным этническим группам воспроизводство будет позволено, в то время как другим его запретят путем наказаний или принудительной стерилизации. Логические и этические аргументы против ограничения воспроизводства психологически и социально здоровых людей очевидны. С точки зрения общественного блага, казалось бы, желательно воспроизводство только здоровых людей, однако с точки зрения справедливости и сострадания к каждому члену общества такое решение неприемлемо: новые технологии могут продлить жизнь тысячам и даже миллионам людей с серьезными болезнями, которым на протяжении сотен лет будет нужна медицинская помощь. На общество ляжет тяжелейшее бремя, и не исключено, что потребуются выбор между заботой об этих долго живущих индивидах и лишением их необходимой медицинской помощи. Приспособятся ли люди к новой продолжительности жизни или будут ощущать усталость от нее, что повлечет за собой массовые самоубийства? Возможно, технологии существенного продления жизни обрекут многих из их пользователей на «судьбу, которая хуже смерти» или, напротив, они научатся пользоваться свободой, ко-

торая, можно надеяться, приходит со зрелостью и станут стремиться к более значимому и лучшему в жизни, к чему они чувствуют потребность. Прогресс биотехнологии порождает множество других этических проблем. Например, по мере расшифровки генома человека возникает возможность воздействовать на геном и даже его конструировать. Расширяется знание о генетических предрасположенностях, которые могут проявиться при жизни индивида, а могут и не проявиться. В ближайшем будущем станет возможным массовое и быстрое секвенирование геномов – расшифровка геномов конкретных лиц, а затем и использование получаемой информации на практике. Уже сейчас стоимость секвенирования одного генома, занимающая две недели, составляет 32 тыс. долл. Стратегическая цель исследователей – расшифровка генома за тысячу долларов и за несколько дней – будет достигнута, как ожидается, в этом десятилетии и сделает расшифровку, рыночный спрос на которую уже велик, высоко рентабельной. В жесткой конкурентной борьбе за лидерство участвуют такие фирмы, как Amersham Biosciences, Perlegen Science, US Genomics, VisiGen Biotechnologies, Solexa. Параллельно быстро развиваются компьютерные методы функционального анализа генетической информации, что, в итоге, приведет к формированию нового направления – геномики личности (personal genomics)²⁵. Ее методы, как уже предполагают, кардинально изменят облик не только медицины, но и общества в целом. С их помощью можно будет прогнозировать развитие многих заболеваний, а также интеллектуальных, ментальных и поведенческих особенностей индивидов. Развитие молекулярной генетики личностных особенностей человека в самом ближайшем будущем позволит рационально прогнозировать профессиональную предрасположенность индивидов, возможные отклонения от общепринятых норм в их поведении. Кто может иметь неограниченный доступ к подобной информации? А если все же информация получена, в какой мере она позволяет действовать? Кто в этом случае ответствен за принятие решений? Существенную роль при обсуждении таких вопросов играют понятия о достоинстве и целостности человека. Декларация

²⁵ Вельков В. В. По ту сторону эволюции // Человек. 2004. № 2. С. 29.

ЮНЕСКО «О геноме человека и правах человека» определяет контуры единой политики в отношении важных этических проблем в этой области. Сходные проблемы возникают и с теми приложениями биотехнологии, которые не относятся к человеку. Появление в природе генетически измененных организмов, скажем, может оказать сильное воздействие на существующий генофонд. Какой риск в этом случае будет этически приемлем? Генная инженерия в классическом понимании использует компоненты ДНК человека. Однако иногда берется ген не только человека, но и другого биологического вида, скрещивается с человеческим ДНК и эмбрионом и выращивается ребенок или некая генетическая структура. Некоторые технологии работы со стволовыми клетками позволяют получать искусственно подобранные гены, и появляется возможность добавлять конкретный генетический материал в стволовые клетки для манипулирования генетической наследственностью ребенка. Это опять же ставит целый ряд очень важных социальных вопросов: качество, оздоровление и возможность создания новейших и нестандартных типов поведения или человеческих возможностей, которых раньше просто не существовало. Генная инженерия столкнется с передачей биологии функции социальной стратификации. Очевидно, что генетические технологии по улучшению умственных способностей, роста, привлекательности или иных сексуальных характеристик будут доступны социальной верхушке задолго до того, как простые люди смогут ими воспользоваться. Возрастет возможность того, что родители смогут не только обеспечивать своим детям условия для получения соответствующего социального статуса, но будут в состоянии передавать им и необходимые биологические характеристики, что сейчас пока невозможно. В каждом обществе должна быть выработана регулятивная система, которая обеспечивала бы контроль над применением этих новых технологий, а их использование отражало бы морально-этические ценности этого общества. Хотя в долгосрочной перспективе возможность остановить развитие конкретных научных проектов будет практически неосуществима, общество может и должно регулировать научные исследования различными способами и нормально воспринимать последовательные фунда-

ментальные исследования, если они не противоречат этическим ценностям. В 1991 году был создан «Орган по контролю над искусственным оплодотворением и эмбриологией» («The Human Fertilization and Embryology Authority»), который проводит мониторинг и контроль над всеми исследованиями с использованием человеческих эмбрионов. Все опыты со стволовыми клетками в Великобритании должны быть одобрены этим правительственным органом. Подобные структуры были учреждены и в Германии. Контроль над сотнями исследований производится международными институтами здоровья (International Institutes of Health). Однако этот вид контроля оказывается очень негибким, так как многие области остаются полностью нерегулируемыми. Это искусственно приводит к тому, что организации вынуждены использовать различные препараты, применение которых законодательно никак не закреплено. Другая возможность направленного влияния на эволюцию человеческих субпопуляций - репродуктивное клонирование индивидов с важными для общества генетическими характеристиками. В настоящее время в США стало практически незаконным пытаться получить клон человека. Причина тому – действия противников использования компонентов, содержащих эмбрионы. Их акции протеста полностью загнали в тупик зарождавшуюся систему, которая позволила бы проводить исследования над стволовыми клетками с запретом на репродуктивное клонирование. Это большая этическая проблема, которая существует на протяжении всего последнего десятилетия²⁶.

²⁶ Фукуяма Ф. Социальные последствия биотехнологических новаций // Человек. 2008. № 2. С. 88-89.

IV ПРОБЛЕМА НАСИЛИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В истории бытовало три стадии отмщения: отмщение *варварское*, *государственно-деспотическое* и *просвещенно-правовое*. Исторически первым было отмщение варварское – нравственно мотивированное кланово-общинное действие, эталоном которого можно считать *кровную месть*. Суть карательной справедливости выражал талион, суть которого состояла в возмездном наказании – око за око, зуб за зуб. Так, в первом в истории человечества кодексе царя Хаммураппи предполагалось наказание врача, который применил неправильное решение лечение пациента, в результате которого тот умер. В таком случае смерти заслуживал один из родственников врача. Начиная с XV века, инстанцию соблюдения *талиона* все чаще видели в государстве. Понимание наказания как устрашения прежде всего выразилось в нарочито публичном, зрелищно-ритуальном его исполнении. Перед подданными, как выражается М. Фуко, разыгрывалась своего рода «карательная литургия», тем или иным способом включавшая в себя компонент пытки. Она длилась до тех пор, пока наказуемый стопами, криками и покаянными показаниями не демонстрировал *полное торжество* коронного правосудия. Государственная судебная-карательная система обнаруживала ту же (если не большую) тенденцию к неумеренной, безмерной репрессии, что и стихия варварских, кланово-общинных отмщений. К середине XVIII столетия делается очевидным следующее обстоятельство: именно из-за своей рутинной регулярности практика устрашающих телесных наказаний уже никого не впечатляет и не пугает. Пенитенциарная система абсолютизма вступает в полосу кризиса и упадка. В этой на свет рождается идея *просвещенного правового отмщения*, которая становится ядром классической либеральной пенитенциарной системы: осуждение телесных наказаний, борьба сперва за их ограничение, а затем и за полное устранение из карательной практики. К середине XIX столетия этот процесс становится необратимым; а после 1850 года ни в юриспруденции, ни в социальной философии, ни в философии права нет ни одного авторитетного защитника телесного наказания. Истязания плоти изгоняются из про-

цессуального права (запрет пыток как «побудительной меры»), из права уголовного и, наконец, из пенитенциарных кодексов. При наличии внешних возможностей насилия отрицательный путь кажется наиболее доступным и эффективным, ставящим обстоятельства под контроль доминирующего субъекта, тогда как альтернативный путь требует сложного внутреннего совершенствования и не гарантирует успеха. К. Ясперс пишет: «Всеобщая ситуация, которая фактически всегда имела место и для нас теперь становится решающе важной, заключается в том, что я могу прийти к согласию с другим в истине и вместе с тем этого может не произойти; что моя вера как раз в тот момент, когда я сам в себе уверен, наталкивается на другую веру; что где-то на границе всегда, кажется, остается только борьба без надежды на единство, с одним возможным исходом – или подчинение, или уничтожение... что к мягкости и отсутствию сопротивления неверующих можно или слепо присоединяться, или упрямо упорствовать – все это не является чем-то случайным и несущественным»²⁷.

Насилие умаляет ценность свободы и личности. Суть его в подавлении свободы воли. А. А. Гусейнов считает, что «насилие – не вообще принуждение, не вообще ущерб жизни и собственности, а такое принуждение и такой ущерб, которые осуществляются вопреки воле того или тех, против кого они направлены. Насилие есть посягательство на свободу человеческой воли»²⁸. Два вида насилия – физическое и психическое – взаимодействуют в нанесении ущерба свободе. Психическое насилие ограничивает внутреннюю свободу, следствием чего становится и ограничение внешней. Физическое насилие, нанося урон внешней свободе, прямо или косвенно ограничивает внутреннюю. При отсутствии внутренней свободы стремление к внешней свободе, если ее понимать просто как внешние условия для личной независимости, слабо и неустойчиво. Тем более без внутренней свободы невозможна свобода как таковая – самоопределение к благу. Но когда нет внешней свободы, угасает и внутренняя. Общение духовной направленности увеличивает прежде всего внутреннюю свободу –

²⁷ Ясперс К. Введение в философию. Минск. 2000. С. 27.

²⁸ Гусейнов А. А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 36.

широту выбора в сфере идеального, внутренний эмоционально-волевой и интеллектуальный настрой на выбор благого по восходящему порядку ценностей. Но рост свободы в самом общении зависит от внешних условий реализации и расширения самости личности – условий «внешней свободы», в которую входят свобода слова, совести, экономические и политические свободы, развитые институты и традиции духовной коммуникации. Насилие наносит урон личности и свободе обеих сторон – и тому, кто чинит насилие, и тому, кто его претерпевает. Первому даже больший, поскольку совершающий насилие нарушает справедливость, отрицая на деле принципиальное ценностное равенство личностей. «Творить несправедливость, – говорит Сократ, – постыднее, чем терпеть, и справедливость – это соблюдение равенства». Насилие над сознанием ведет к состоянию, когда личность одного поглощается другим. Это общение – манипуляция, служащее задачам руководства и подчинения, его участники – «господин» и «раб». «Господин» руководит жизнью раба, определяет его жизненные цели и способы их достижения, становится «совестью» другого. Руководимый превращается в орудие руководителя, перестает быть субъектом-личностью, поскольку не владеет «стратегией» своего жизненного пути. Ненасильственные действия польский философ А. Гжегорчик определил как последовательное в этическом отношении поведение, направляемое отчетливым моральным идеалом, основанном на уважении и любви к противнику. Общение, ориентированное на идеал ненасилия, в условиях конфликта предполагает не только идейно-образное воздействие на убеждения, словесное предъявление ценностей, но действенное, жизненно-личностное их предъявление, так называемое «засвидетельствование ценностей». Конфуций учит, что альтернативой насилию в случае ценностных конфликтов будет ценностно-образцовое, «примерное» поведение благородного мужа. В «Лунь Юй» говорится: «Как вы смотрите на убийство людей, лишенных принципов, во имя приближения к принципам? Кун-цзы ответил: «зачем, управляя государством, убивать людей? Если вы будете стремиться к добру, то и народ будет добрым. Мораль благо-

родного мужа [подобна] траве. Трава наклоняется туда, куда дует ветер»²⁹. В буддистской «Дхаммападе» говорится: «Он оскорбил меня, он ударил меня, он одержал верх надо мной, он обобрал меня». У тех, кто не таит в себе таких мыслей, ненависть прекращается. Ибо никогда в этом мире ненависть не прекращается ненавистью, но отсутствием ненависти прекращается она. Вот извечная дхамма»³⁰.

«Молекулярным» прорывом в изучении молекулярно-генетических механизмов этнопсихологических особенностей стало обнаружение аллелей, программирующих воинственность и миролюбие. Современная наука видит истоки агрессивности и стремления к насилию в биологической природе человека. Так, антропологи обнаружили миролюбивое общество бушменов Канг (Kung Bushmen) в Южной Африке, живущих охотой и собирательством, трудолюбивых фермеров в Юго-Восточной Азии, а также индейцев Южной Америки, в частности племя Яномамо (Yanomamo), члены которого регулярно встают на тропу войны. Оказалось, что в гене, кодирующем так называемый рецептор нейротрансмиттера дофамина (DRD4), у индейцев есть особая мутация 7R, которая и делает их весьма агрессивными, возбудимыми, импульсивными и неговорчивыми. У бушменов и восточно-азиатских фермеров такой мутации нет. Другие типы мутаций в этом гене также приводят к гиперактивности, к повышенной конфликтности, к постоянному поиску «острых» ощущений. По-видимому, развитие «молекулярной этнопсихологии» приведет к установлению механизмов, определяющих не только яркие межэтнические когнитивные, ментальные и поведенческие различия, но и типичные взаимодействия внутри тех или иных человеческих субпопуляций³¹. В то же время новейшие изыскания не отменяют извечной проблемы, суть которой заключается в том, что человек является человеком потому, что его биологическая активность сдерживается це-

²⁹ Лунь Юй. XII. 19 // Древнекитайская философия. В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 161.

³⁰ Дхаммапада. I. Гл. парных строф 4-5. Принципиальными сторонниками насилия были Махатма Ганди и Мартин Лютер Кинг. «Мы – солдаты ненасилия, готовые отдать свои жизни, если этого потребуют обстоятельства», – говорил Махатма Ганди.

³¹ Вельков В. В. По ту сторону эволюции // Человек. 2004. № 2. С. 27.

лым комплексом культурных норм и может быть использована не в разрушительных, а в созидательных целях (творчество, спорт и т.д.).

Смертная казнь: аргументы за и против

В «Метафизике нравов» Кант подробно аргументирует свою позицию – за смертную казнь. Абсолютным условием существования гражданского общества для Канта является *общественная справедливость*, единственный принцип которой, в свою очередь, – это принцип равенства и симметрии. «Оскорбляешь ты другого – значит, ты оскорбляешь себя; крадешь у другого – значит, обкрадываешь самого себя; бьешь его – значит, сам себя бьешь; убиваешь его – значит, убиваешь самого себя». В этом высказывании отражается математически выведенное представление Канта о необходимой соразмерности наказания – преступлению. И именно поэтому единственной мерой наказания за убийство является смертная казнь преступника («Жизнь, как бы тягостна она ни была, *неоднородна* со смертью; стало быть, нет и иного равенства между преступлением и возмездием, как равенство достигаемое смертной казнью преступника...»³²).

Аргументы противников смертной казни: Что это за право убивать себе подобных, присвоенное людьми? Смертная казнь не может быть правом и не является поэтому таковым. Высшее наказание никогда не останавливало людей, решившихся посягнуть на общество. Не суровость, а продолжительность наказания производит наибольшее влияние на душу человека. Смертная казнь не может быть полезна, потому что она подает людям пример жестокости. Артур Кёстлер в 1937-м году во времена франкистского режима находился в тюрьме под угрозой смертного приговора; в 1955-м ему удалось инициировать в Англии национальную кампанию за отмену смертной казни; в 1957-м, когда книга «Размышления о виселице» Кёстлера (под одной обложкой с «Размышлениями о гильотине» Альбера Камю) вышла отдельным изданием во Франции. Кёстлер убежден, что «эшафот – не просто инструмент гибели; это самый древний и отвратительный символ одной из склонностей рода человеческого, ведущей его к

³² Кант И. Собр. соч. в 8-ми томах. Т. 6. М., 1994. С. 368.

моральному краху»³³. И еще, кажется, неопровержимый аргумент: кто из смертных способен вынести окончательный вердикт о «неисправимости» преступника в этой жизни? Ведь религиозные представления, согласно которым умерщвление греховного тела может даже пойти на пользу бессмертной душе, уже принадлежат истории... Да и живем мы в то время, когда преступления самих государств многократно превышают пределы способностей и возможностей индивидуальных преступников. Нам, смертным людям, нельзя забыть и о безмерном страдании приговоренного к смерти преступника: Когда официальные юристы говорят о предании смерти без страданий, они не знают того, о чем говорят, и, что особенно важно, они лишены воображения. Опустошающий и унижительный страх, которому месяцами и годами подвергается осужденный и которому не подвергалась жертва, является более страшным наказанием, чем смерть. Последняя смертная казнь состоялась во Франции в 1977 году, ее отмена произошла невзирая на широкую общественную поддержку этого института. В 1981 году известнейший адвокат Робер Бадинтер, став министром юстиции после победы на выборах Франсуа Миттерана, добился законодательной отмены смертной казни. Сегодня во Франции 50 % населения выступают за возвращение и соответственно 50 % – против смертной казни. К 1962 году в Западной Европе только в Соединенном Королевстве, Франции, Греции, Ирландии, Испании еще применяли (редко) эту меру наказания. Но вот уже более двадцати лет назад эти страны стали аболиционистскими. За последние годы число стран-аболиционистов (установивших законодательный запрет на применение смертной казни в качестве наказания) весьма значительно выросло. С 1 июля 2003 года Совет Европы утвердил вступление в силу полного запрета на смертную казнь. (Страны – члены Совета Европы подписали Протокол № 13 к Европейской Конвенции прав человека. Этим Протоколом вводится запрет на применение смертной казни даже во время войны. Ранее, согласно статье 15 Конвенции прав человека, государства, в случае войны или иной чрезвычайной си-

³³ Кёстлер Артур, Камю Альбер. Размышления о смертной казни. Введение и очерк «Смертная казнь во Франции» Жана Блока Мишеля / пер. с франц. М., 2003. С. 32-33.

туации, ставящей под угрозу существование нации, могли отступать от соблюдения положений Конвенции и применять в качестве наказания смертную казнь.) За последние четыре десятилетия общее число стран, отказавшихся от смертной казни, утроилось. К сегодняшнему времени более половины стран мира либо отказались от смертной казни законодательно, либо не применяют ее на практике. При этом 84 страны сегодня – аболиционисты (не применяют смертную казнь ни за какие виды преступлений), 12 стран применяют смертную казнь только в период военных действий, 24 страны не применяют эту меру наказания на практике (в течение последних десяти и более лет). 76 стран оставили за собой право на смертную казнь и применяют ее. В последние пятнадцать лет отмечено распространение аболиционистского движения на страны Африки, в меньшей степени оно затрагивает азиатские страны. Однако к концу тысячелетия лишь в 55 странах (после 1994 года) применялась смертная казнь. Помимо США, Кубы, Гайяны и некоторых островных государств Карибского бассейна это государства Ближнего Востока, а также многие другие страны Азии и Африки (лидеры – Китай, Иран, Демократическая Республика Конго, Саудовская Аравия, Туркменистан). Согласно данным Международной Амнистии, в 2004 году в 25 странах мира было приведено в исполнение 3797 смертных приговоров; 7395 человек были приговорены к смерти в 64 странах. Из исполненных казней 97 % приходятся на долю Китая, Ирана, Соединенных Штатов Америки и Вьетнама. В России запрет на смертную казнь не носит законодательного характера. Действующий с 1999 года мораторий, который Россия объявила в связи с принятием ее в Совет Европы, подвергается постоянной атаке наших политиков. Более 60 % населения, о чем свидетельствуют социологические опросы, приветствовало бы возвращение к смертным казням³⁴. Вопрос о смертной казни в России имеет давнюю историю, но в настоящее время он был поставлен событиями внешней политики. Участие России в Евросоюзе потребовало от правительства РФ отказа от смертной казни. Указом Президента России введен мораторий на исполнение смертных приговоров. Однако в Уголовном

³⁴ Ознобкина Е. Моя утопия // Новый мир. 2005. № 9. С. 23-25.

Кодексе остается возможность выносить смертный приговор. Юридически смертная казнь продолжает существовать. В истории России были целые эпохи, когда смертная казнь не применялась. Это эпоха Елизаветы Петровны и Екатерины II. Однако в XX веке, когда государством было уничтожено почти 100 млн человек, ожесточило общество, и сейчас в России нет ни одного общественного института, ни одной политической партии, от кого бы исходила инициатива отмены смертной казни. Даже в православном мире есть как сторонники, так и противники смертной казни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для этической теории двадцатого века характерен поиск обоснований моральных ценностей и плюрализм взглядов по проблеме их происхождения. Обозначились два подхода к обоснованию моральных проблем. Один зиждется на успехе научного поиска, другой считает моральные понятия теоретически недоказуемыми и сводит их к сфере интуиции и чувственности. Реалии прошедшего века породили целый комплекс абсолютно новых для этической теории проблем, связанных с ответственностью человечества за состояние биосферы и собственную жизнь, новейшие научные достижения неоднократно использовались против человека, что повлекло необходимость актуализации морально-этической ответственности ученых.

Среди традиционных для этической теории проблем, новое звучание приобрели проблемы достоинства, справедливости, а также насилия и ненасилия в современном мире.

ТЕСТЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

Тест 1

Превращение этики в этику правил связано с:

1. Господством личных связей.
2. Полисным устройством общества.
3. Преобладанием вещных рыночных отношений.
4. Зарождением христианского учения о центральном положении человека в мире.
5. Иерархическим устройством средневекового общества.

Тест 2

Кто установил, что рынок приводит к богатству народов через их эгоистическое стремление к собственной выгоде?

1. А. Смит.
2. К. Маркс.
3. О. Конт.
4. Д. Рикардо.
5. Н. Макиавелли.

Тест 3

Изменение отношение этики по отношению к морали как к своему предмету после Канта состоит в том, что:

1. Из теории морали этика превратилась в критику морали.
2. Центральной проблемой этики стала проблема обоснования разумных пределов эгоизма.
3. Этика превратилась в этику добродетелей.
4. Центральными стали проблемы прикладной этики.
5. Мораль перестала быть регулирующей силой всех сторон общественной жизни.

Тест 4

Направление современной этики, направленное на исследование на обоснованность моральных высказываний:

1. Феноменологическая этика.
2. Утилитаристская этика.
3. Аналитическая этика.
4. Религиозная этика.
5. Этика прагматизма.

Тест 5

Метод рефлексивного равновесия, предложенный Ролзом, предполагает:

1. Баланс сноровки.
2. Баланс обучения.
3. Баланс усилий.
4. Баланс ответственности.
5. Баланс риска при работе.

Тест 6

Укажите правильный порядок объективных ценностей по М. Шелеру:

1. Чувственные (радость – наказание, удовольствие – боль).
2. Культурные (духовные), подразделяемые на эстетические (красивое – некрасивое), этико-юридические (праведное – неправедное) и спекулятивные (истинное – ложное).
3. Культурные (духовные), подразделяемые на эстетические (красивое – некрасивое)
4. Религиозные (священное – мирское).
5. Жизненные (благородное – вульгарное)

Тест 7

Укажите, какие новые проблемы этического характера вызваны научно-техническим прогрессом:

1. Трансгенные инсектицидные растения.
2. Генетическая модификация микроорганизмов.
3. Проблема клонирования
4. Проблема насилия.
5. Проблемы продления жизни и достижения бессмертия

Тест 8

Среди причин, по которым современная наука приобретает явно выраженное этическое измерение:

1. Увеличение стоимости научных разработок.
2. Усиление разрушительных последствий для природы внедрения научных достижений.
3. Нечувствительность многих ученых к тем этическим проблемам, которые порождаются их же исследованиями.
4. Коллективный характер научных изысканий.

Тест 9

Социобиология:

1. Пытается свести поведение человека к исполнению генетически заданных программ.
2. Раскрыть связь биологического и социального в человеке.
3. Увидеть близость в поведенческих механизмах животных и человека.
4. Выявить генетическую обусловленность моральных предпочтений.
5. Доказать несостоятельность социокультурных обоснований моральных норм.

Тест 10

Актер – это:

1. Носитель рациональности.
2. Тип человека рыночно-технологической эпохи.
3. Разумный эгоист.
4. Человек без моральных ценностей.
5. Активный деятель.

Тест 11

Базисное достоинство человека, по Канту:

1. Присуще каждому человеческому существу независимо от его статуса.
2. Универсальное моральное качество, которое неотъемлемо и неотчуждаемо.
3. Применяется ко всем людям безотносительно их особых качеств или привходящих обстоятельств.
4. Связано с личными целями и социальными обстоятельствами, с местом данного человека в социальном мире.

Тест 12

Этика солидарности:

1. Подчеркивает взаимозависимость людей и их взаимную ответственность.
2. Выражается в заботливых отношениях между людьми.
3. Направлена против рассмотрения человека как изолированного субъекта.
4. Обязательно имеет религиозное обоснование.

Тест 13

Достижение практического бессмертия вызовет такие проблемы, как:

1. Доступность технологии, существенно увеличивающим продолжительность жизни, для всех стран.
2. Проблему отбора кандидатов для продления жизни.
3. Возможность нового расслоения по имущественному признаку.
4. Проблему смысла жизни, не имеющая конца.
5. Проблему допустимости вмешательства человек в то, что устроено Богом.

Тест 14

Суть геномики личности (personal genomics) в том, чтобы:

1. Прогнозировать развитие многих заболеваний.
2. Определять интеллектуальные, ментальные и поведенческие особенности индивидов.
3. Рационально прогнозировать профессиональную предрасположенность индивидов.
4. Выявлять возможные отклонения от общепринятых норм в поведении.
5. Контролировать поведение человека.

Тест 15

К этическим проблемам современной биомедицинской этики относится:

1. Репродуктивное клонирование индивидов с важными для общества генетическими характеристиками.
2. Исследования с использованием человеческих эмбрионов.
3. Опыты со стволовыми клетками.
4. Решение проблемы осуществления практического бессмертия.
5. Использование трансгенной продукции.

Тест 16

Метаэтике присущи признаки:

1. Ценностная нейтральность.
2. Увлеченность абстрактным анализом этических терминов.
3. Приверженность лингвистической методологии.
4. Обращение к обыденной моральной повседневности.
5. Противопоставление нормативной этике.

Тест 17

Принципы справедливости по Дж. Ролзу:

1. Должны быть общезначимыми.
2. Универсальными.
3. Одинаково приемлемыми для всех членов общества.
4. Учитывать естественные способности людей.
5. Учитывать социальное положение, род деятельности.

Библиографический список

1. **Бердяев, Н.** Человек и машина / Н. Бердяев. // Вопросы философии. – 1989. – № 5.
2. Биоэтика: принципы, правила, проблемы. М.: «Эдиториал УРСС», 1998.
3. Введение в биоэтику. Гл. X. Смерть и умирание. Эвтаназия. М.: Прогресс-Традиция. 1998.
4. **Вельков, В. В.** По ту сторону эволюции / В. В. Вельков. // Человек. – 2004. – № 2.
5. **Гусейнов, А. А.** Понятия насилия и ненасилия / А. А. Гусейнов. // Вопросы философии. – 1994. – № 6.
6. Доклад о развитии человека – 2004. Культурная свобода в современном многообразном мире. Изд-во «Весь мир», 2004.
7. **Драгунская, Л. С.** Маркс, Достоевский, Фрейд: три антропологических проекта / Л. С. Драгунская. – 2000. – № 2.
8. **Кант, И.** Собр. соч. в 8-ми томах. Т. 6. – И. Кант. – М., 1994.
9. **Кеннеди, Л. А.** Что сулит нам продление жизни? / Л. А. Кеннеди. // Человек. – 2002. – № 3.
10. **Кёстлер, Артур.** Размышления о смертной казни. Введение и очерк «Смертная казнь во Франции» Жана Блок-Мишеля / Артур Кёстлер. // пер. с франц. – М., 2003
11. **Кордовский, О. С.** Навязчивая притягательность СМИ / О. С. Кордовский. // Человек. – 2004. – № 4.
12. **Кутырев, В. А.** Человек XXI века: уходящая натура... / В. А. Кутырев. // Человек. – 2001. – № 8.
13. **Лунь Юй.** XII. 19 // Древнекитайская философия: в 2 т. / Лунь Юй. – М., 1994. – Т. 1.
14. **Миллер, С.** Смерть и умирание: взгляд из разных культур / С. Миллер. // Человек. – 2007. – № 6.

15. **Неретина, С. С.** Смерть как условие бессмертия / С. С. Неретина. // Человек. – 2002. – № 4.
16. Психология и этика. - М.: Издательский дом «Бахрах», 1999.
17. **Пулмэн, Д.** Достоинство человека: боль и страдание / Д. Пулмэн. // Человек. – 2001. – № 3.
18. **Роганов, С. В.** Рецепции смерти в современной культуре / С. В. Роганов. // Человек. – 2007. – № 3.
19. **Сабиров, В. Ш.** О мировоззренческих основах современной западной танатологии / В. Ш. Сабиров. // Человек. – 2002. – № 5.
20. **Смит, Р.** Человек между биологией и культурой / Р. Смит. // Человек. – 2000. – № 1.
21. **Фукуяма, Ф.** Социальные последствия биотехнических новаций / Ф. Фукуяма. // Человек. – 2008. – № 2.
22. **Юдин, Б. Г.** О возможности этического измерения науки / Б. Г. Юдин. // Человек. – 2000. – № 5.
23. **Юдин, Б. Г.** Ещё раз о перспективах человека / Б. Г. Юдин // Человек. – 2004. – № 4.
24. **Ясперс, К.** Введение в философию. / К. Ясперс. – Минск, 2000.